

ГЕОРГИЙ КОТЛЯРОВ

ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ

Георгий Котляров

ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ

Усть-Уда
2008г.

УДК 821. 161. 1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
К.73

Котляров Г.Г.
К.73 Охотничьи рассказы : рассказы / Г.Г. Котляров – Усть-Уда:
изд. Усть-Удинская центральная районная библиотека, 2008. – 76с.

УДК 821. 161. 1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© Котляров Г.Г., 2008.
© Усть-Удинская центральная районная библиотека, 2008.

Георгий Георгиевич Котляров - человек в Усть-Удинском и Балаганском районах известный и уважаемый, многие годы, до своего ухода на пенсию, возглавлявший химлесхоз, межхозяйственный лесхоз, госпромхоз. Предприятия эти под его руководством становились прибыльными, и их работники с теплотой и благодарностью вспоминают своего строгого, но внимательного и доброжелательного руководителя.

Многие знают и о том, что Георгий Георгиевич — страстный охотник, настоящий профессионал. Но вот то, что он многие годы писал охотничьи дневники, знают далеко не все. Мы посчитали, что хранить их в ящике стола - дело малопользное, и предложили Георгию Георгиевичу написать цикл охотничьих рассказов. Поколебавшись, он согласился.

Печальный крик ворона

Мы с Малышом дотащились до зимовья к ночи. Целую неделю от зимовья до зимовья мы проверяли ловушки на пушных зверьков, пройдя порядка 100 километров, добрались до центрального, шестого зимовья, откуда ушли неделю назад. Малыш- это кобель, которого я вырастил из «недоразумения» с рукавичку величиной, до красивого, стройного, умного кобеля-лайки. Взаимопонимание между нами было полное; единственное, чего я не смог добиться, несмотря на многолетнюю дрессировку Малыша - он ни разу не ответил мне на интересующие меня вопросы, а только взглядом выражал свое отношение к моим действиям.

Усталость давала о себе знать и, натопив печку, приготовив чай и некорыстный ужин, утолив свой голод и жажду, со спокойной душой мы улеглись на отдых, каждый на свое место, я на нары с теплой постелью, а Малыш в сенях на подстилке.

Добытую за неделю пушнину я повесил в сенях, чтобы на следующий день, день отдыха, оттаять её в зимовье и обработать. С вечера мороз усилился, и я был рад, что мы вовремя добрались до зимовья, где можно отдохнуть, привести в порядок оружие и снаряжение, и подготовиться к походу на следующий круг проверок. Прогноз подтвердился, и утром градусник показал минус 35 градусов. Этот мороз не трагедия, но время позволяло переждать его 1 -2 дня, так как такой необходимости в срочной проверке капканов не было.

Утро было ясным и солнечным. В лесу стояла тишина, не слышно было ни дятлов, ни поползней, которые в другое время всегда давали знать о том, что жизнь продолжается, своей возней и стукотком. Малыш, свернувшись клубком в сенях, поднял голову, посмотрел на меня, и я понял, что никакого желания куда-либо идти у него нет.

Я быстро, в одних плавках, побежал к ключу, что находился метрах в 20 от зимовья и никогда не замерзал, вылил на себя два ведра воды, рявкнул так, что тайга вздрогнула, и помчался в зимовье, уже натопленное, чтобы обтереться, одеться и чувствовать себя бодрым и энергичным на весь день. Я это, по глупости, делаю с 1977 года и не жалею. И вдруг я остановился на полпути к зимовью. Эту первозданную тишину пронзил крик, даже трудно назвать это криком - это был стон, четкий и ясный, который доносился сверху. Этот крик пронзил меня своей безысходностью, трагичностью и мольбой настолько, что я, несмотря на куржак на голове, озноб от купания, оцепенел и не двигался с места. Подняв голову, я увидел, что высоко, метров 100 над зимовьем кружил ворон и равномерно, с одинаковым интервалом повторял и повторял свой крик.

Я домчался до зимовья, обтерся насухо, оделся и вышел посмотреть, не улетел ли ворон. Кобель тоже вышел из сеней, и мы, подняв головы, наблюдали за кружащей над зимовьем птицей, не перестающей издавать регулярно свой крик-стон. Я насторожился и задумался.

В этой тайге я охочусь больше двадцати лет. Я прекрасно знал, что в этих местах жила пара воронов (самец и самка), которые не только каждый мой приход в тайгу приветствовали меня, но и часто высоко в небе сопровождали меня в моих похождениях, надеясь на мой удачливый промысел и остатки от добычи для своего пропитания. Я всегда с радостью слышал их приветствия и с величайшим уважением относился к этим умнейшим птицам, которые своим поведением подсказывали, и где стоит зверь, и попалась ли кабарга в ловушку. И никогда за все время нашего сосуществования не было случая, чтобы вороны нарушили капканы или утащили приманку. Мы прекрасно знали друг друга и много лет жили дружно. За десятки лет, проведенные в одиночестве в тайге, я уже научился понимать крики птиц и зверей.

И вдруг этот крик, он насторожил меня, меня о чем-то просили или предупреждали. В тайге мы почти все суеверные, и в душу закралась тревога. Что произошло? Что случилось? Предупреждает меня о беде, или беда случилось у них, и они просят о помощи?

А ворон все летал и кричал. Летал он один. Мне трудно сказать, кто из них кружился (он или она), но то, что что-то случилось, я понял. Я хотел заготовить дров на будущее, позавтракал, оделся, чтобы приступить к работе, но не смог, я не мог перенести этих криков и ушел в зимовье. Ворон кружил до ночи.

Я почти не спал, все разгадывая тайну этих трагических, в этом я не сомневался, сигналов. Мороз не спадал, и утром также была ясная и морозная погода, также сверкала Кухта на притихших елях и молодых сосенках, также застыла в тишине притихшая тайга. Но стоило мне выйти из зимовья, снова в небе раздался этот крик, стон или плач, мне даже трудно подобрать слово к этому звуку, и я вновь ушел в зимовье, никак не мог понять, что просит от меня эта птица, рядом с которой мы в согласии и уважении друг к другу прожили столько лет.

Конечно, если б я знал...

Прошла ещё одна ночь. Мороз отпустил, и нам с Малышом предстояло очередной свой путь по кругу с проверкой ловушек. Утром, бегая на ключ совершить свой моцион, я не услышал криков ворона. Не прилетел ворон и через час, когда мы с Малышом отправились в путь. Но на душе у меня было тяжело, потому что я так и не узнал причины такого поведения птицы, хотя почему-то в душу закралась чувство вины. Путик, который я должен был проверять, был протяженностью 12 километров до следующего зимовья, именно этот путик был в плане проверок в этот день, когда кружил над центральным зимовьем ворон.

Малыш был кобель опытный, ловушек он никогда не нарушал, независимо, что там попало - соболь или белка, но, если что попадало, то он немедленно мчался по лыжне мне навстречу и всем своим видом, и поведением показывал, что нужно поторапливаться, попал зверек, и, глядя на него, я уже заранее знал, что попало, соболь или белка.

Мы споро продвигались вперед, так как в ловушках ничего не было, да и быть не должно, так как в сильные морозы зверьки малоактивные, а в том году урожай на пушнину был невысок из-за бескормицы, вызванной неблагоприятным летом. Пройдя километра три и поправляя очередную ловушку, я увидел мчавшегося мне навстречу по лыжне Малыша. Подбежав ко мне, кобель не выражал никаких эмоций, а тем более восторга, остановился и вопросительно с удивлением смотрел на меня.

- Ну, что? - спросил я его. О чем ты мне хочешь сообщить? Что-то попало? Но по твоему виду я чувствую, что ничего! Пошли вперед!

Но кобель стоял и смотрел на меня с недоумением. Я пошел вперед и, вдруг, не доходя до очередной ловушки, увидел, что в капкан попала какая-то крупная птица. Я сначала подумал, что это глухарь, но подойдя ближе, я понял, как поздно я это понял.... В капкане был замерший огромный, около метра длины, ворон. Я подошел, освободил его от капкана и подумал, вернее, осознал, как звал меня на помощь ворон (он или она), как я не понял их беды, как до меня не дошло, что ворон прекрасно знал мои путики и их проверки, знал, что капканы - моих рук дело, и два дня звал меня на помощь, потому что следующий провер был именно этого путика, и я бы успел спасти птицу.

Видимо, бескормица и голод заставили эту мудрую птицу полезть за приманкой, но не в этом дело. Дело в том, что меня звали, просили, два дня умоляли исправить эту ошибку ворона и выручить его из беды.

Я до сих пор караю себя за то, что не смог понять эту мудрую птицу и не оказал помощи. Ведь можно понимать наших братьев меньших, когда они кричат о помощи.

Я на следующий год пришел на охоту в эту же тайгу. На второй или третий день я увидел кружащую над зимовьем пару воронов, но они не встретили меня, как это было много лет назад, своим приветственным криком, они покружили и улетели, и я понял, что это совсем другие птицы.

Прошло много лет, но я никогда не смогу забыть этой мольбы о помощи, этого крика отчаяния и просьбы, обращенного к человеку, печального крика ворона.

Рысь

От речки круто вверх, почти вертикально поднимался обрыв. На самом верху примыкающая к речке гора поросла молодым соснячком и багульниковом. У края обрыва лежал большой камень. Камень был неправильной формы и одним краем лежал на земле, а под вторым, приподнятым, была просторная ниша, под которой было сухо, уютно, так как туда не попадала вода от дождей и снега, и не задувал ветер. Верхняя часть каменной глыбы представляла собой ровную площадку, с которой хорошо просматривалась местность на три стороны. Отсюда с высоты далеко видны были подернутые дымкой хребты, покрытые вековой тайгой, и извилистая речка, пробегающая у подножья обрыва, а зимой представляющая собой белую широкую ленту. В

ясную погоду видно было очень далеко и чувство высоты и красочного вида зачаровывало, и невольно хотелось стоять и стоять на этом месте и смотреть сказочный мир, открывающийся взору.

Место было глухое, тихое, труднодоступное, а главное скрытое и безопасное. Здесь и поселилась рысь. Она пришла сюда давно, много лет назад, когда по неписанным законам природы наступило время начинать самостоятельную жизнь. Покидала родные места рысь редко: в годы бескормицы, когда нужно было искать пищу в других местах и когда чувство материнства заставляло её уходить в поисках сородичей. Кроме этого, старая рысь уходила из родных обжитых мест, когда в тайгу приходил человек.

Человек приходил с собаками осенью и промышлял. Собаки, эти назойливые и злые существа, её пугали, она их ненавидела, как и любая другая кошка, и избегала встреч с ними. Когда выпадал глубокий снег, и человек с собаками уходил - рысь возвращалась. Потом человек приходил снова, но уже без собак. Так как он ее не преследовал и даже не пытался этого делать, она к нему привыкла, и чувство страха перед человеком у неё притупилось. Но все равно осталось неприязнь, и инстинкт самосохранения заставлял рысь всегда избегать встречи с ним.

Человек был странным. Он почему-то очень любил эту скалу, любил подолгу сидеть на её камне и смотреть в синие дали. Человек знал, что под камнем рысь, видел её следы и целые тропы, но не трогал этого красивого, сильного зверя. Однажды они даже случайно встретились и несколько секунд, замерев, смотрели друг на друга, но человек даже не пытался испугать или обидеть чем-то зверя.

Наверное, человек любил рысь, и ему нравилось, что в его тайге живет этот красивый зверь. Они привыкли друг к другу. И след человека уже не вызывал у рыси того страха, какой был раньше. Но появление потомства усилило у неё чувство осторожности и подозрительности. В период воспитания своих котят рысь уводила свое потомство в самые глухие места, которые почти никогда не посещал человек.

Шли годы, и это взаимное сосуществование ничем не нарушалось. Рысь перестала бояться человека, тем более, что по глубокому снегу он приходил один без собак и часто на речке, даже недалеко от зимовья охотника играла и резвилась со своими подросшими котятами. И рысь, и человек каждый добывал себе пищу сам и не давал повода преследовать друг друга.

Шли годы. Рысь состарилась и превратилась в крупную, матерую кошку. Она уже привыкла и к своей скале, где вырастила не одно потомство, и к человеку, который не преследовал её. Вот это её и привело к трагедии.

Однажды, спускаясь по уже давно проторенной в глубоком снегу тропе, проложенной в глухом еловом подростке, рысь внезапно ощутила тихий металлический шелест, и, рванувшись в сторону, ощутила на шее затянутую петлю. Проволока на петле была эластичная из нихрома, и сколько рысь не прыгала и не извивалась, мяукала и рыкала, не отпустила её. Выбившись из сил, рысь, уставшая от борьбы, лежала и смотрела на дальние хребты, за-

ходы и восходы солнца, понимая, что тот многолетний её соратник по выживанию в тайге, которому она ни в чем не мешала его промыслу и ни в чем с ним не конкурировала, устроил ей западню. Шли третьи сутки её мучений. Рысь изгрызла поводок проволоки, до крови ободрала и губы, и десна, пытаясь освободиться от петли, но все было тщетно. Рысь лежала, не двигаясь на утоптанной ею площадке без сил и ждала своего смертного часа.

Вдруг, она услышала легкие шаги охотника, который шел, по всей вероятности, проверить свои орудия лова. Шаги приближались - это смерть. И тут, собрав свои последние силы, рысь рванулась, и проволока, перекрученная на много восьмерок, лопнула. Рысь, почувствовав свободу, уставшая и измученная, бросилась прочь от подходящего охотника, чтобы никогда - никогда не возвращаться в эти места, много лет служившие ей и кровом, и домом, и не только ей, но и её детенышам.

Зайчики

Это было в 1957 году, мне был 21 год, и я работал в Алзатайском химлесхозе на участке Марьяна роща.

Работа была лесная, тяжелая, с ненормированным рабочим днем - хочешь работай 8 часов, а если очень хочешь - то 18 часов. У меня не было ни кола, ни двора, а с продуктами было плохо, и пришлось есть даже молодых вылупившихся дроздов, гнездившихся на моем участке. Но ружье я купил с первой же зарплаты и официально примкнул к великой армии охотников. Со временем я научился охотиться на рябчиков, и почти ежедневно на моем столе была дичь. Но дни летели, снег покрыл все вокруг, начались морозы, и мои походы становились все менее успешными.

В один из таких ноябрьских морозных дней ко мне зашел сосед - Яков Тимофеевич Нафтудинов, заядлый охотник, имевший двух собак-лаек и иностранную «тозовку», которая заряжалась десяти патронами и была полуавтоматической. Яков был старше меня лет на десять, высокий, худощавый, длинноногий, легкий на ходу, смелый, в чем я впоследствии убедился, и охота была для него неотъемлемой частью жизни. Он стал моим первым наставником, давшим мне знания и опыт профессионального охотника. Я готов был с ним идти хоть в огонь, хоть в воду.

Но вернемся к зайчикам.

Пришел Яков, посидел, посмотрел на меня каким-то оценивающим взглядом и завел разговор.

- Мясо у тебя есть?
- Нет. Снег глубокий, да и рябчики осторожнее стали, трудно добывать.
- А зайцев не ловишь?
- Да нет, ещё не научился, да и места нужно знать.
- Ну, хорошо. Я к тебе пришел за помощью. Нужно проверить петли на зайцев, поможешь тащить добычу домой. Одному-то мне не управиться - ведь

они мороженые, всяко разное расшепериваются, и много не унесешь - не удобно. Один провер сделаем - и хватит.

Я смотрел на него с недоумением: петли ещё стоят, попали там зайцы или нет, а он уже приглашает меня помогать таскать мясо? Я знал, что он любитель иногда приврать, но и знал, что с ним случались фантастические, но правдивые случаи на охоте. От его рассказов мы хохотали до упада, но потом убеждались, что это правда.

Я смотрел на Якова и подумал: «А почему бы и не сходить?»

- Согласен. Пойдем, помогу.

- Все, завтра утром зайду, и покатым. Ружье не бери, я возьму «тозовку».

На том и порешили.

Утро выдалось ясным и морозным. Мы шли к старым вырубам, где ещё лет 10-15 тому назад шла интенсивная заготовка леса. Но время шло, и постепенно вырубы покрылись густым молодым сосняком, в дебрях которого круглый год жили и размножались зайцы, благодаря идеальным природным защитным условиям.

Когда мы пришли к началу путика, по которому выставлены петли, солнце уже взошло, и всё вокруг было настолько сказочно красиво и торжественно, так было тихо вокруг, что мы невольно остановились полюбоваться замечательной сибирской природой.

И вот мы нырнули в таинственный мир обширной сосновой чащи. Снег был приличный, и идти было трудно, иногда приходилось пробираться сквозь заросли, хотя Яков и старался при постановке петель выбирать удобные для продвижения места. Старый его след был хорошо виден, и все сходило с него, где стояли петли, ясно просматривались. Было видно, что лесная жизнь здесь бьет ключом. Одиночные следы зайцев пересекались хорошо набитыми тропами, встречались следы белок, колонков, а раза два или три наш путь пересекали стежки лисы. Я еле успевал за Яковым, который шел впереди легко и свободно, и его широкий шаг и длинные ноги меня начали беспокоить. Яков подходил к каждой петле, чтобы сделать след, некоторые из них поправлял, кое-где ставил новые. Работа шла споро и быстро.

Уже с первых петель начали попадать зайцы. Это было видно издали, так как снег у привязи был выбит зверьком, старавшимся вырваться из ловушки. Да и самих зайцев было видно, они в разных позах замерзали в петлях. К обеду мы прошли половину путика и остановились, чтобы пообедать и уложить в мешки зайцев, которых тащили на себе в петлях. До обеда мы уже сняли десять зверьков. Они плохо укладывались в мешки, замороженные в разных позах, и тащить их было неудобно.

Вторая половина дня была трудней. Груз всё добавлялся, а путь, по словам Якова, был ещё далек. Ноги у меня заплетались, я вымок от падающего с деревьев снега и от пота. Только к сумеркам мы добрались до конца дневного обхода и вышли на дорогу, ведущую домой. За день мы сняли 17 зайцев и были ими навьючены, как верблюды.

- Ну вот, один путик проверили, - сказал Яков, - Завтра пойдем на второй. Мне не хотелось шевелить даже языком, но всё же я спросил:

- А много ещё дней ходить на первый провер?

- Да нет, ещё дня два-три. Я ведь выставил 400 петель, так что после первого провера отдохнем пару дней и пойдем по второму кругу со снятием ловушек. После этих слов у меня отнялись язык и ноги.

За день мы прошли по чаще и с грузом без малого 17 километров. Дома я упал и спал, как убитый. Всю ночь мне снились зайцы.

В последующие дни мы проверили оставшиеся путики, а затем, вторым заходом снимали петли. В последний день похода в петлю попала лиса.

Всего за этот период попало 89 зайцев. Кроме того, больше десятка съели хищники и птицы. По закону тайги все петли были сняты.

Зайчатину ели до самой весны. Так я впервые познакомился не только с удивительным знатоком охоты и природы, но и понял, что охота не просто времяпрепровождение, но и великий труд и польза - для здоровья и для души.

«Бермудский треугольник»

После войны мужиков в этой деревне осталось мало. По рассказам стариков не вернулось домой около сорока человек из уходивших на войну, а в этом краю что ни мужик, то рыбак или охотник. И если раньше тайга опромышлялась на десятки километров вглубь хребтов, то теперь, в основном, только по реке и устьям её притоков. Куда ни глянь - везде море заброшенной тайги, в которую десятками лет не ступала нога человека. Деревня Петропавловка вымирала...

Я облюбовал себе уголья по среднему течению Екунчая, где нашёл одно заброшенное дряхлое зимовье, расположенное на краю боринки у чистого, бьющего из-под горы ключа. Завёз продукты, печку и всё необходимое для существования на период промысла.

Подремонтировав это подобно жилья, я вышел в поселок Новый, где тогда жил с семьей и работал мастером подсочки, чтобы собраться, завестись выше по речке ещё километров на двадцать и построить там второе зимовье и охотиться из двух избушек более продуктивно, охватывая большую площадь угодий.

Было начало октября и лишь изредка пробрасывало снежок, но устойчивого покрова ещё не было.

В помощники, строить зимовье, ко мне напросился мой хороший товарищ — тракторист Удра Пятрос, литовец, молодой крепкий парень, которого после строительства я обязался вывести из тайги домой, до которого, кстати, было около пятидесяти километров.

Путь предстоял тяжёлый, так как дорог, ясное дело, не было, а старые охотничьи тропы давно заросли. Решено было завозиться на вьючных лоша-

дях по маршруту, проложенному мной на карте по квартальным визирам, благо несколько лет назад здесь было проведено лесоустройство.

Всё было скрупулёзно подготовлено, увязано и распределено по выюкам на каждую из двух лошадей. Коноводом был возчик участка Борис, который и должен был увести лошадей обратно.

Итак, 13 октября 1966 года мы выступили в поход. У Бориса была захудалая одностволочка шестнадцатого калибра, а у Петра ружья не было вовсе. Я же в то время носил два ружья: двустволку шестнадцатого калибра и винтовку ТОЗ-16, проще «тозовку». Из тозовки обычно стрелял мелочевку, то есть пушнину, а из ружья - зверя. Дробью никогда не стрелял и дробовых зарядов никогда не имел, потому что терпеть не мог в лесу грохота, от которого зверь разбегается, а во-вторых, и стрелок я был неплохой, судя по количеству сдаваемой мной пушнины.

С нами были собаки: сучки Летка и Ласка, и кобели Лапчик, Соболь и Лютый. Кроме десятимесячных щенков Лютого и Соболя все собаки были рослые, сильные, проверенные в тайге не один раз. Соболь - дипломированная лайка, но на охоте не был, и я взял его на пробу.

Первый день пути мы прошли быстро, так как по дороге до последнего производственного жилья, где ночевали, устранили все недостатки в увязке груза и его распределении и на следующий день рано утром двинулись по маршруту.

Впереди было много трудностей, но что значит старые, проверенные на завозке, опытные лошади! Они не торопясь так умно шли по визиру, что никогда не задевали выюками сучья деревьев и ловко перелезали через колодник. Они не боятся выстрелов, не шарахаются при погрузке на них перекидов с мясом, независимо каким, и только всхрапывают и стараются укусить мясо зубами, если это медвежатина. Но при этом сохраняют олимпийское спокойствие. Настоящие промысловые кони.

Я часто отклонялся от пути, стреляя белок, если собаки лаяли недалеко, затем догонял ребят. Тайга была старая, в основном тёмнохвойная и, глядя на вековые ели и кедры, упиравшиеся, казалось, в небо, я невольно задумывался о трудностях промысла.

Иногда попадались небольшие бора, в основном на хребтинах, крупный осинник и слани с пожелтевшей пожухлой травой. По чистым местам мы продвигались довольно быстро.

Неожиданно перед нами открылся чистый бор, и мы решили заночевать, так как солнце клонилось к закату, и уставшие лошади требовали отдыха. Дошли до небольшого ключа, где устроили табор, накормили и напоили лошадей и, поужинав, напившись чаю, улеглись спать на заранее приготовленных хвойных постелях.

Ночь прошла спокойно.

Следующий день был полегче, так как места были почище. Собаки, после отсидки дома на привязях, за день устали и ходили, уже не отвлекая нас своими полайками.

К полудню наш отряд добрался до ручья Кокиткан — конечной цели и, найдя подходящее место для табора, разгрузили поклажу.

Вдоль ручья был бор и на подъезде к месту мне из-под собак удалось убить глухаря. Борис заторопился, решив до темна добраться до временки, где мы ночевали и верхом поехал домой, привязав к седлу глухаря, которого ему я отдал, и пожелав нам ни пуха, ни пера.

Остались мы вдвоем, не считая собак.

Подготовили табор и, попив чаю, я, дав Петру наказ никуда не ходить, подтащить ещё дров на ночь, решил пройтись вдоль ручья и подыскать удобное место для строительства избушки. Собаки увязались за мной, за исключением Лютого, оставшегося со своим хозяином.

Пройдя по косогору вдоль ручья, я нашел место удобное для жилья. Это была чистая площадка, рядом бор с подручными ровными соснами и ключом внизу, метрах в двадцати от будущей избушки.

Пока я обследовал место, собаки убежали на ту сторону ручья и вскоре послышался их звонкий лай, по которому я определил, что они облаивают соболя или глухаря, так как они лаяли с одинаковой интонацией.

Подкравшись к собакам, я увидел сидящего на березе крупного соболя. Добыв его, я похвалил собак за усердие и видя, что уже начало темнеть, перешёл ручей и направился к табору.

Ещё не успел я пройти и половину пути, как в ручье снова залаяли собаки. Послушав, я понял, что лают они опять соболя, но в связи с наступившей темнотой на лай не пошёл. Вечером я обдирал белок, добытых за два дня, и соболя и развешал сушить на прутьях подальше от огня и повыше от собак.

Кобели пришли позже и мы, накормив собак тушками белок, а их набралось около двадцати, поужинав, улеглись отдыхать, примостив рядом оружие. Огонь горел ярко, обдавая нас теплом, и обменявшись впечатлениями о прошедшем дне, мы крепко уснули.

Забыл упомянуть - у Петра был один недостаток: он был близорук и носил очки.

Сколько мы спали - не знаю, но меня разбудил страшный рёв собак. Они все пятеро так громко орали в ночи, что я спросонок толкнул Петра и крикнул: «Петька! Вставай, медведь!».

Огонь погас, только жар ещё краснел на огнище.

- Разжигай огонь и сиди тихо, а я пошёл!

Схватив двустволку и надев ремень с ножом и двумя патронташами, я отошёл от табора и прислушался. Собаки лаяли уже метров за двести. Послушав внимательно, я понял, что они лают сохатого. Темень была непроглядная, но я решил идти, так как небольшой снежок давал возможность подальше увидеть собак и силуэт зверя.

Вот лай ближе и ближе, но пока ничего не видно. Вот я уже рядом и подкрадываюсь к трём стоящим рядом берёзкам, которые я облюбовал для укрытия. Всматриваюсь и, наконец, вижу собак, бросающихся с лаем на большой, как мне показалось, вывернутый с корнями пенёк. Ещё приглядевшись я по-

нял, что чернеет туша зверя. Он стоял спокойно, не дрался с собаками, и я даже засомневался, зверь ли это. Но вот сохатый чуть передвинулся, и я убедился, что это он.

Всего у меня было десять пуль, из них две в стволах, но как стрелять в темноте?

Тихонько взвожу курки, поднимаю стволы в небо и на фоне белого облачка прицеливаюсь, а затем медленно опускаю стволы вниз, навожу на тушу зверя и стреляю сразу дуплетом. Вспышка ослепила меня, грохот и дым были потрясающие.

Очухавшись, я перезарядил ружьё и увидел, что зверь отскочил метров на сто и снова встал, окружённый лающими собаками. Подойдя ближе к нему, я опять навёл ружьё на небо и опять сдуплетил.

Короче говоря, судя по стрельбе, можно было подумать, что идет бой. Я перестал пулять, когда лось пошагал на меня. Чем ближе подходил ко мне сохач, тем спокойнее я становился, так как теперь хорошо его видел. У меня оставалось всего две пули в стволах ружья. Я выстрелил ещё раз, приберегая последнюю пулю, а сохач подходил всё ближе. Я стоял за какой-то корявенькой березкой или осинкой. Зверь остановился почти рядом.

Зная, что он тяжело, пожалуй, смертельно ранен, и не тратил последнюю пулю.

Неожиданно сохач громко мыкнул и повалился в мою сторону...

Рассветало.

- Петька! - закричал я - Тащи котелок воды!

Я умирал от жажды. Петька раз десять перекричал, пока понял, что нужно нести воду и появился с полным котелком, который я осушил почти до дна. Затем мы подошли к убитому зверю. Это был крупный старый бык с небольшими деформированными рогами, что подтверждало его преклонный возраст, когда из-за нарушения обмена веществ рога бывают небольшие. Несмотря на то, что добытый зверь был после гона, мясо было прекрасным. При обдирании туши оказалось, что хотя стрельба производилась ночью, из девяти пуль пять поразили зверя по убойным местам. Сохач был крупный и мощный, и поэтому не сразу упал.

Почти весь день ушёл на приборку мяса: нужно было срубить лабаз, затащить и разложить мясо, закрыть его шкурой и молодым ельником. Со стороны лабаз выглядел большим грибом на одной толстой ножке, только вместо шляпки сооружён помост с закрытым мясом.

Последующие дни мы с Петром работали с утра до вечера. Поперечной пилой валили лес, кряжевали по размеру, шкурили, затем рубили сруб и выполняли ещё массу дел, необходимых по ходу строительства.

Я несколько раз ходил к лабазу за мясом и попутно ещё добыл пару соболей.

Избушка издали выглядела очень красиво, покрытая дранкой, с сенями также одранкованными. Внутри было просторно, уютно и тепло. По обе стороны окошка сделаны нары, а между ними, к окошку, сооружён столик. Дро-

ва были заготовлены и по общему мнению жильё для моей дальнейшей охоты было принято в эксплуатацию.

На вечернем совете я предложил Петру наведаться в зимовье, которое я перед этим отремонтировал, проверить сохранность продуктов и унести кое-что из инструментов и снаряжения, неучтённых или забытых мной при завозке. Петр согласился, так как был очень доволен, несмотря на все трудности, этим романтическим путешествием.

За те дни что мы строили, понемногу падал снежок и уже чётко просматривались следы всех обитателей тайги.

Мы вышли рано утром, так как идти было около двадцати километров, необремененные большим грузом и с хорошим бодрым настроением. По пути собаки нас задерживали полайками на белок, но мы старались надолго не отвлекаться, чтобы прийти засветло. Удача сопутствовала нам и к вечеру наши котомки наполнились глухарём, десятками белок и соболем.

Уже на подходе к зимовью, по темноте, собаки прямо у визира загнали ещё соболя на одну из трёх рядом стоящих елок. На какой из них находился соболь, было неизвестно.

- Ты, Петро, спустись к елкам в ручей, а я пару раз из тозовки пальну по веткам - глядишь, спрыгнет соболь, а собаки его задушат.

Петро спустился и встал у комлей елок, успокаивая лающих собак.

- Петро! Сейчас я стреляю по средней елке. Смотри, может, спрыгнет! - крикнул я.

Щелкнул выстрел и почти сразу Петро закричал на собак, отбирая у них соболя, чтобы собаки его не порвали.

Такое везение бывает редко - я, не видя соболя, случайно попал ему прямо в голову!

Обрадованные удачей, пройдя ещё немного, мы спустились с косогора прямо к едва различаемой в темноте избушке. Потеплело и начавший перед этим падать снежок, перешёл в снегопад.

Зажгли лампу и затопили печку, чтобы согреться, обсушиться и вскипятить чай, а перед этим вытащили из неё сахар, крупу и другую мелочевку, которую я туда спрятал от мышей и других зверьков во время завозки. Мешки с сухарями были подвязаны на толстой жерди, прибитой между двумя мохнатыми елями, а полмешка муки, предназначенной для собак, висело в сенях.

Утро было пасмурным, но снег идти перестал, хотя за ночь выпало сантиметров пятнадцать. И тут я обнаружил, что подвешенного на жерди полмешка муки не оказалось, жердь была сломана, а под елями из трёх мешков с сухарями остался один, подвешенный повыше, а вместо двух других висели лишь ленты мешковины.

Обследовав всё вокруг зимовья и в нём, я пришёл к выводу, что здесь хозяйничал медведь, видимо, сразу же после моей завозки. Поиски муки ни к чему не привели, так как все следы разбоя скрыл выпавший снег. Я прикинул

остатки продуктов и решил, что в этом зимовье обойдусь, а в новое мы завезли. Поругавшись на грабителя, я успокоился.

- Слушай, Петро! - сказал я.- Вчера мы совершили большой переход и, конечно, устали. Давай, сделаем так: я возьму собак и тозовку, сделаю кружок до речки и вдоль неё до следующего ручья, по нему поднимусь и вернусь сюда. Посмотрю, есть ли зверьки, а может быть какого соболя и удастся добыть. А ты береги глухаря, вари в ведре суп, отдохнём, переночуем, а завтра поведу тебя на выход.

Я достал из запаса патроны с пулевыми зарядами, повертел в руках двустволку и, подумав, что далеко и долго ходить не буду, повесил ружьё на место. Затем быстро собрался, поманил собак и с тозовкой на плече отправился в разведку.

Сначала я шёл таёжкой по самой пойме, но ещё не промерзший мох затруднял движение, и я поднялся чуть выше на косогор. Собаки нашли парочку белок, которых я убил, но соболиных следов пока не встречалось — видимо, соболь не торопился выдавать себя по свежавыпавшему снегу.

Не успев дойти до ручья, я услышал лай Ласки, к которой через пару минут присоединились ещё две собаки. Они лаяли часто, азартно, но спокойно я, решив, что лают на соболя или глухаря, так как на белку лают совсем по-другому, поспешил к ним.

Собаки лаяли за ручьём, к которому я подходил по просеке, проходящей в этом месте по густому сосновому подлеску. Неожиданно лай стал частым и злобным и стал перемещаться вправо, к пойме с густым ельником.

Я не успел подумать, почему не все собаки принимают участие, когда увидел, что навстречу мне бегут дипломированный Соболь и Лапчик.

Я удивился: только позавчера убил сохатого, и все собаки прекрасно себя показали. Глухарей и белок искали тоже хорошо. Правда, на соболей дипломированный кобель не реагировал, но с Лапчиком ведь всё добывал, кроме медведя.

- Неужели медведь? - мелькнуло в голове, и я пошёл дальше, а дезертиры поплелись за мной.

Лай то приближался, то удалялся, и, пройдя ещё немного, впереди, на спуске к ручью, я увидел на мягком снегу чёткие отпечатки следов медведя. Пройдя по следу, я определил, что медведь средних размеров, ведёт себя спокойно, так как почти не обращает внимания на собак, по крайней мере, не делает в их сторону бросков и выпадов. Судя по постановке лап, должен быть жирный, а значит, лежал в берлоге и вышел, потревоженный собаками. Всё это позже подтвердилось.

Раньше я уже имел дело с медведями и знал, что, увидев меня, он может броситься ко мне вовсе не с дружеским приветствием. Поэтому, мигом оценив обстановку, я решил, что самый лучший вариант, чтобы не быть проглоченным вместе со своей малопулькой, это бежать за двустволкой, а там будет видно.

Два первых дезертира, видя, что я помчался назад в зимовье, весело обогнали меня, видимо, довольные, что в полку трусов на одного прибавилось. Путь до зимовья я преодолел как на крыльях. Уже у зимовья меня догнали Летка и Лютый. Возле зверя осталась одна Ласка.

Умная Летка поглядывала на меня как бы с удивлением - такого ещё не случалось, чтобы хозяин убежал от поставленного зверя.

- Петька! - крикнул я. - Собаки лают на медведя, подай ружьё и патронташ с патронами, я побегу!

- Собаки-то здесь. Нет только Ласки. Возьми меня с собой, - взмолился он, - я ведь тоже хочу посмотреть. Не думай, я не боюсь!

Я подумал, да пусть идет!

- Ладно! Бросай свою кухню, возьми мою тозовку, за пояс на всякий случай затки топор и пошли быстрее! Но лучше бы оставался - очки будут залепляться снегом, и станешь отставать.

Но, поглядев на Петра, понял, что уговоры бесполезны, и махнул рукой - вперёд!

Мы шли быстро, по возможности спрямляя путь и придерживаясь моего следа. Собаки бежали впереди, лишь Соболь, остался у зимовья - отходил от стресса, полученного при встрече с медведем. Проявленная трусость впоследствии очень повлияла на его собачью карьеру.

Дойдя до медвежьего следа, прислушались, но было тихо, и мы стали выпутывать следы, определяя, куда же подевались медведь и Ласка. Прошли километра полтора и обнаружили, что собак рядом нет, а вдали слышен лай Ласки. Лай был злобный, но редкий - собака устала в попытках остановить зверя.

Через несколько минут загрели остальные собаки, и мы помчались на лай. Собаки дружно и беспрестанно звали нас к зверю, отрабатывая грех за проявленную трусость.

Не доходя метров двести до остановленного зверя, мы остановились.

- Вот лежит большая колодина, - сказал я, указывая на поваленную когда-то огромную сосну. - Садись на неё, никуда не рыпайся, держи наготове тозовку и топор. Не волнуйся, будь спокоен, а я пойду стрелять медведя. После выстрелов жди моего сигнала и тогда моим следом придёшь ко мне. Понял?

- Всё ясно, - ответил Петр, протирая стекла очков.

Я проверил направление ветра, проведя рукой по стволу соседней сосны, глядя, куда уносит малейшие коринки, и пошел на лай собак к таёжке у края поймы. Таёжка была чистой, росли крупные ели, но местами молодой ельник образовывал чащу. В одной из куртин такой чащи находился зверь.

Обходя медведя с подветренной стороны, я наткнулся на полянку, на которой росла огромная лиственница с отломанной вершиной, упавшей поперек поляны. Вершина была толстая и лежала комлем в мою сторону. Прячась за ствол лиственницы, я взвёл курки ружья, осторожно вышел на поляну и сразу увидел зверя.

Медведь шёл, иногда поуркивая на назойливых собак и, наклоня голову, хватал пастью пушистый снег. Его круглая туша и лоснящаяся шерсть, спокойное поведение говорили о его сытости и удивлении от белоснежного покрова и даже вызывали симпатию с моей стороны.

Я опустился на колени и медленно стал ловить на мушку убойное место на туше зверя. Собаки, учуяв, что я рядом, воспряли духом и стали агрессивно бросаться на медведя. Зверь неожиданно остановился, поднял голову, видимо, что-то заподозрив, но я уже плавно нажимал на курок.

Реакция зверя на выстрел была молниеносной. Попавшая в него пуля причинила ему боль и он, решив, что виной этому является Летка, ближе всех к нему находившаяся, бросился на неё. Дальше всё произошло мгновенно. Ведь медведь - далеко не увалень, как многие считают, это молния, вспышка которой я в очередной раз увидел. Миг - и сучка, спасаясь от острых когтей, пролетела мимо меня, что далеко не красит, и медведь, кинувшийся за ней стремительными прыжками, подъехал ко мне по заснеженной вершине.

Мы разглядывали друг друга. Для медведя это, конечно, была неожиданность, но я был готов. Единственное, что в этот миг мелькнуло в сознании - это куда лучше стрелять: в голову или в грудь? Я выстрелил в грудь. Медведь прыгнул не ко мне, а в сторону и, сделав несколько прыжков, распластался на снегу. Собаки с ходу вцепились в него, мстя за все опасности, которым они подверглись при его преследовании, а некоторые в оправдание проявленной ранее трусости и предательстве хозяина.

Петр пришёл ко мне по моему зову, по моим следам, хотя, скрадывая медведя, я под ветер сделал полукруг, что в дальнейших событиях сыграет главную роль.

Медведь был очень жирный с замечательной пушистой шкурой и мне, по правде говоря, даже было его немножко жаль, хотя, конечно, если бы он хоть чуть-чуть ввалил мне за беспокойство, то моё мнение изменилось бы на противоположное.

Я сам ободрал медведя - у Петра был только складешок - с лапами, с головой, и осталось разделать тушу и обрезать сало. После первого выстрела мне могли бы грозить неприятности - пуля попала по месту, которое охотники называют полое, то есть не убойное. Медведь, по-видимому, в момент выстрела переместился. Между двух колод постелили жерди, разложили мясо и сложили горкой обрезанное сало. Падал редкий снежок, было тепло. Я был без шапки, ружьё стояло в стороне, прислонённое к пню. Было тихо.

Собаки, наевшись внутренностей, лежали по сторонам, глядя на наши хлопоты. Казалось, ничего не предвещало опасности.

- Георгиевич! Ты на всякий случай ружьё перезаряди, ведь там пустые гильзы, - сказал мне Петр и как в воду глядел.

Я зарядил ружьё, поставил рядом, и мы сели немного отдохнуть, прежде чем прибрать остывшее мясо от лишних иждивенцев. На душе была благо-

дать, день шёл к концу и прошёл не зря, мечталось о крепком вечернем чае и вкусной еде, а после этого об отдыхе. А в это время...

Огромный медведь (два с половиной метра от кончика хвоста до носа) - олицетворение почти трехсоткилограммового сгустка силы, мощи, злобы и безжалостности брёл по притихшей, словно вымершей после дневной суеты тайге.

Медведь был голоден, зол и очень опасен. Его собратья уже давно залегли в берлоге и постепенно прожигая накопленное на долгую зиму сало, впали в спячку. У этого зверя такой возможности не было. Летом, во время гона, он получил серьезную травму лапы от такого же мордоворота, как и он сам, и все попытки вырыть берлогу ни к чему не привели. Лапа болела, постоянно ныла и, чувствуя безысходность своего положения, медведь был непредсказуем. Ягодники завалило снегом, добыть копытного зверя из-за травмы не было возможности и наступившая осень, за ней и зима, не предвещали ничего утешительного.

Впереди только голодная смерть. Но в борьбе за жизнь до последнего её мига зверь был готов на всё. Теперь этот медведь обретал название - шатун. Он шёл не торопясь, останавливаясь, прислушиваясь и принимаясь в надежде вычислить любую жертву для утоления гнетущего его чувства голода. Недавно он побывал в зимовье, где смог поживиться завезёнными продуктами охотника и сейчас, после десяти дней бесполезных скитаний по дремучей тайге, решил опять наведаться туда же. Ему было все равно, что съесть. Из-за чувства голода он лишился инстинкта страха и осторожности перед человеком, которые до этого заставляли его обходить людей стороной. Медведь был готов убить любое живое существо лишь бы оттянуть неизбежную гибель.

На косогоре медведь остановился, глаза его злобно заблестели, и на загривке медленно поднялась шерсть. Его чуткий нос уловил посторонний запах, от которого раньше он старался уйти подальше, запах, который не предвещал ничего хорошего - запах человека. Потом он увидел след человека. Опустив голову, медведь принялся к следу, ещё больше ошетинился и, издав злобный утробный рык, четырехметровыми прыжками бросился по следу. Вот оно то, что он искал и не мог найти в последние дни!

Зверь мигом промчался по следу до колодины, на которой сидел человек, остановился, прислушался. Справа, внизу, взлаяли и замолчали собаки. Медведь подождал, собаки его не интересовали, ему нужно было больше, и, влекомый голодом и в предвкушении близкой и легкой добычи, он помчался по следу человека, что было его роковой ошибкой, а для нас с Петром спасением, так как, идя по нашему следу, зверь должен был сделать полукруг, удлинявший его путь к цели вдвое.

Неожиданно Ласка подняла голову, насторожилась и взлаяла, но не в сторону моего следа, а в сторону косогора, где до этого ждал меня Петр. Насторожились и остальные собаки, но, не уловив ничего подозрительного,

успокоились. Однако не прошло и нескольких минут, как они, что-то услышав, вскочили и с громким лаем кинулись в ту сторону, откуда мы пришли.

Вскочив на ноги, мы увидели, что по нашему следу, опустив голову к земле, прыжками несётся на нас огромный медведь. Он был крупный, абсолютно чёрный и по габаритам напоминал корову на коротких и толстых ногах. Я запомнил миг, когда он легко перепрыгнул через толстую колодину, его голову с раскрытой пастью и передние лапы в воздухе с огромными когтями. Нас разделяло не более двадцати метров. Схватив ружьё, я моментально взвёл курки и, крикнув: «Петька, патроны!», вскинул ружьё. Как Петр доставал патроны из патронташа, лежащего с ножом на ремне на колодине, я уже не видел. Единственная мысль билась в голове: «Хоть бы встал на дыбы! Ведь должен же встать!».

Я хотел, чтобы медведь встал в свою коронную угрожающую позу, в которую он становится, чтобы парализовать страхом свою жертву или противника.

Первый выстрел был сделан влёт, когда медведь перепрыгнул колодину. Никакой реакции! Собаки под грохот выстрела и, видя, что нам грозит опасность, повисли на заду зверя, который на это не обратил никакого внимания.

Оставалось до нас десять..., восемь..., шесть метров. Последний шанс! Я бы все равно не успел перезарядить ружьё и потому спокойно выжидал момент, чтобы стрелять наверняка. Любой упущенный миг мог стоить жизни.

Ласка и Летка висели на медведе, Лютый и Лапчик хватали его сбоку... и вдруг меня услышал Бог: медведь, увидев нас, взревев, поднялся на дыбы и, подняв передние когтистые лапы, пошел на нас.

Увидев перед собой трехметровую на дыбах тушу с разинутой пастью, сверкающими от злобы глазами - и это при моих ста семидесяти шести сантиметрах роста! - мне стало не до песен.

Ласка повисла у медведя на спине, Летка - на гачах, а медведь не реагировал ни на что. Лютый, видя, что нам грозит смерть, бросился к зверю и схватил его зубами за подмышку. Медведь рывком и небрежным движением отбросил кобеля на несколько метров. Я запомнил орущего, летящего по воздуху здорового кобеля, а мушка уже ловила место, обеспечивающее жизнь этого чудовища - сердце.

Зрелище было неповторимое — шесть метров разделяли двух человек, иначе нас и не назовёшь в сравнении с этим монстром, от стоящей на дыбах огромной зверюги с висящими на ней собаками.

Сердце на мушке, нажим, а выстрела нет! Я не успел перебросить палец на второй курок из-за нехватки пальцев на руке, из-за физического недостатка. От удара лапой сломана и отлетела в сторону елушка толщиной с добрую оглоблю. Раздался устрашающий рев и медведь, глядя на нас и не обращая внимания на беснующихся собак, сделал ещё шаг или два в нашу сторону. Но мушка снова нашла свою главную цель, грянул выстрел. Медведь, вдруг потеряв к нам интерес и сделав огромный прыжок, чуть не задев нас, кинулся в чашу. Моментально перезарядив один ствол, я успел выстрелить вдогонку,

но зверь скрылся в ельнике вместе со всей сворой своих преследователей, и наступила тишина.

- Не уйдёт! - успел крикнуть я и, схватив два патрона, бросился следом. Но это уже было лишним.

Метрах в тридцати, распластавшись во весь свой огромный рост, неподвижно лежал сражённый медведь. В нём были все три пули. Второй пулей, когда медведь был на дыбах, точно была срезана верхняя часть сердца, первая и третья тоже удачно разместились в туше.

Я знал, что медведь крепок на рану и может, даже смертельно раненным, принести много неприятностей, убедился в этом на личном опыте.

Вернувшись к Петру, я сел на колодину и молчал. Первым пришёл в себя Петр.

- Слушай, Георгиевич! А ты всё-таки побледнел немного, - выдал он свой комментарий.

- Петя! Я отвернусь, а ты проверь свои штаны, много ли ты наклал в них, - парировал я и мы рассмеялись.

Убитому медведю выпустили внутренности, поставили внутри распорки, чтобы туша остывала и решив завтра довести дело до ума: ободрать зверя, прибрать мясо и т.д., отправились в зимовье, так как короткий осенний день, полный непредсказуемых забот и тревог, шёл к концу.

По пути к зимовью я по следам восстановил всю картину преследования нас медведем. Когда мы увидели, как за нами гнался этот зверь, и проиграли все варианты, мы убедились, что судьба наградила нас - подарила жизнь.

Сутки после этого Лютый спросонок, да и просто так вдруг орал лихому, видимо, на медведя, который ему мерещился с перепугу. Впоследствии из него выросла отличная зверовая лайка.

Ночью нас неожиданно разбудил дружный лай собак, перемещавшийся от зимовья вверх, на бор.

Переночевав, хорошо отдохнув, если не принимать во внимание бесовского лая собак с поехавшей от страха «крышей», мы пошли прибирать к месту свою добычу. Не прошли и двухсот метров, как увидели четкие следы ещё одного медведя, на которого, видимо, ночью и всполошились собаки. На душе стало немного тревожно.

День был пасмурный и соответствовал таким настроениям. Я в душе благодарил судьбу за тот единственный шанс, что она мне дала в едва разыгравшейся трагедии.

Подходя к месту вчерашних событий, я увидел, что Летка сидит на куче сала и мяса первого убитого медведя и спокойно грызёт кусок. Такого нахальства я не мог стерпеть и, не доходя до неё, сорвал с плеча заряженную пулями двустволку и запустил в сучку.

До сих пор я не мог дать отчет своим действиям и прихожу к наивному и старомодному заключению - бес попутал. Но это потом.

Ружьё, пролетев в сторону сучки, разворачивается, а может быть я так его бросил, ударяется прикладом об одну из колодин, на которой лежало мясо,

раздается оглушительный грохот от выстрела из обоих стволов, нас окутывает дым.

Мы подходили не один за другим, а шли рядом, между нами было метра полтора. Я мгновенно закрыл глаза и замер, не шевелясь, толком не сознавая, что же произошло.

Тихо спрашиваю:

- Петя! Ты жив?

После ответа - «Я жив» - я открыл глаза и остолбенел: между нами пролегла чёрная полоса пороховой гари от выстрелов. Судьба опять была к нам благосклонна.

- Или ты, Петя, уж шибко везучий, или мы оба, но если, придя домой, обнаружишь седину в шевелюре, то она появилась обоснованно. А у меня она уже есть!

Мясо мы прибрали, соблюдая все правила его сохранности по традициям мудрых детей тайги. Переночевав ещё одну ночь, собрав добытую пушнину и наварив мяса в дорогу, я проводил Петра домой. Он увёл с собой Соболя, не прошедшего испытательного срока, и своего кобеля Лютого. Мы попрощались у старой охотничьей тропы на половине пути к дому.

- Петя! Переговори с Борисом и Михаилом, моим соседом, возьмите лошадей, дорогу ты знаешь, и вывезите мясо добытых зверей. Шкуру большого медведя мне, меньшего - тебе. Мясо раздели поровну и от обоих отдели коноводам. Кобеля Соболя отдай хозяину и скажи правду о его способностях. Передай привет моей семье. Пока! До встречи!

Я долго смотрел в след своему товарищу. Было немного грустно, как и обычно при расставании. Было 26 октября - прошло всего две недели наших совместных приключений, а память о них осталось на всю жизнь...

Я развернулся и, крикнув собак, пошёл на Север продолжать промысел в свой непредсказуемый событиями «Бермудский треугольник» навстречу новым трудностям и испытаниям.

Начался снегопад, постепенно скрывая великую тайну тайги, её радости и трагедии, следы живых и последний приют мёртвых, не вернувшихся из походов в поисках своей голубой мечты. Такова судьба.

За охотничий сезон меня дважды смерть лизнула по спине своим холодным языком. Однажды, решив попить, ударил прикладом по ещё не толстому льду на речке, чтобы пробить лунку. Тозовка от удара выстрелила, и пуля прошла у виска. Второй случай был при отстреле белки через речку Екун-четь, шириной метров 15-20. После выстрела пулька, срикошетив через два сучка, вернулась обратно и с визгом пролетела у виска.

Эти роковые случаи навели меня на мысль дать название своему промысловому участку - «Бермудский треугольник».

Тайна Сосновой Гривы

Поселок Новый был построен на левом берегу по течению реки Чуна в 1961 году. Поселок был небольшой - около 20 домов вместе с магазином, клубом, начальной школой и медпунктом. Жили здесь в основном семьи лесохимиков и обслуживающего персонала. Жизнь в поселке бурлила два раза в году - весной и осенью - когда прибывали на работу сезонные рабочие в количестве 100-150 человек и когда разъезжались домой по окончании сезона.

На зиму жизнь в поселке замирала. Заядлых охотников было раз-два и обчелся, а остальные работали на подготовительных работах и на обслуге и ограничивались ловлей зайчиков, да и то не все.

Весны все ждали с нетерпением. Оживала природа, вскрывалась река, и тогда почти всё население поселка свободное время проводило с удочкой на берегу. Рыба водилась разнообразная, и науживали хорошо.

Километрах в четырех ниже по течению в речку впадал довольно глубокий ручей Канджуха, на устье шириной метра три, а дальше - чуть поуже. Ручей выбегал из болота, которое находилось километрах в двух-трех от берега реки и тянулось на 15-20 километров. Если по мосту перейти Канджуху и пойти вверх по его течению, забирая чуть вправо, то попадешь на старый бор, который длинной полосой вклинился в болото километра на два и шириной метров триста-четырееста. Вот это и есть место, которое местные жители называли Сосновой Гривой.

Особыми достоинствами Сосновая Грива не отличалась, и почти никогда и никем не посещалась, за исключением того, что осенью сюда забегают собаки охотника в погоне за соболем, или случайно кто забредет, сбившись с пути.

Мне весной пришлось гнать сохатого через болото, и я наткнулся на несколько интересных достопримечательностей этого места.

По болоту находилось несколько островов, покрытых молодым сосновым бором, зайдя на один из которых я обнаружил, что весь остров, площадью в один - полтора гектара, и выглядевший над болотом бугром, как и все остальные острова, весь изрыт медвежьими берлогами различной свежести. Как я понял, медведи нашли идеальное место для своей зимовки - труднодоступное, сухое и безопасное.

Дело было в начале апреля, и я шел по насту через болото на камусных лыжах по следу угнанного собаками сохатого. Южные склоны хребтов, да и сами острова уже вытаяли и освободились от снега после предшествовавших насту оттепелей.

След зверя вел меня в сторону Сосновой Гривы, где я до этого бывал один или два раза. Уже недалеко от Сосновой Гривы я увидел небольшое озеро незамерзшей воды и подошел к нему насколько мог, чтобы не замочить лыж. То, что я увидел, меня заворожило: в центре озерка из-под воды бил мощный ключ диаметром 30-40 сантиметров и высотой сантиметров пятьде-

сят. Настоящий гейзер, только холодный! Это какую же уйму воды качает этот ключ за год! И, может быть, по болоту таких ключей не один? Так вот почему всё болото чистыми озерами, разделенными между собой лишь моховыми полями разной величины и небольшими островами, покрытыми лесом или чахлым березняком и голубичником вперемежку с багульником!

Собак я так и не услышал: видимо, далеко ушли за зверем, да и выскочив на голый от снега южный склон, зверь, несомненно, уйдет от погони, и собаки вернутся.

День уже клонился к исходу и, добрав до Сосновой Гривы, я снял лыжи, вскипятил чаю и, отдохнув и не дождавшись собак, потихоньку направился в сторону дома, до которого было ещё порядком идти, решив навестить Сосновую Гриву попозже, когда сойдет снег, чтобы удовлетворить свое любопытство обследованием этого района.

Прошло две или три недели, когда я, оторвавшись от домашних и производственных забот, смог уделить время для посещения загадочной для меня и притягательной Сосновой Гривы. Я не фантазер и не верю в мистику, но что-то неудержимо меня тянуло в то место.

Крикнув старого кобеля и закинув на плечо тозовку, я отправился на Сосновую Гриву.

Снег уже сошел, но было сыро. Идти в резиновых сапогах было легко, и я быстро добрался до Канджухи, перешел через мостик и направился к болоту. Дойдя до Сосновой Гривы, я не торопясь пошел по краю, вдоль болота. Но по самому краю болота идти было тяжелей, мешали заросли багульника и голубичника, да и отошедший мох не давал ходу. Поднявшись повыше на косогор, я увидел впереди озерко, в котором ещё плавала нерастаявшая льдина. По берегу озерка росла высокая болотная трава. На льдине сидели две ондатры и озабоченно что-то грызли. Над головой пролетела одна, а затем вторая пара уток вглубь болота. На косогоре, по которому изредка росли березки и кусты ольховника, посвистывали рябчики. Кобель где-то бегал по бору. Однажды он взлаял, по-видимому, по улетающему глухарю. Тишина нарушалась только весенними трелями работающих в своих кузницах дятлов. Яркое светило солнце, и было тепло от его лучей.

Остановившись против озера, я внимательно присмотрелся к береговой кромке, так как мне показалось, что от берега пошла рябь по воде. Я стоял, не шевелясь, что-то есть. Постояв, обратил внимание, что волна от берега идет ещё в одном месте и ещё...

Сначала я подумал, что это работают ондатры, так как из-за травы и мха не видно было нарушителей спокойствия, но, подойдя ближе, я убедился, что ондатр там не было видно, а рябь по воде шла через определенные промежутки времени. Тихонько я подошел совсем близко и сквозь траву вдруг увидел голову с выпученными на меня глазами - голову точь-в-точь, как у небольшого крокодила. Это была огромная щука, которая лезла, в прямом смысле этого слова, на берег по мху, покрывающему дно озера.

Поглядев вперед вдоль берега озера, я увидел, что дальше, ещё в нескольких местах, щуки хлюпаются у берега. Я впервые видел не только икромет этих рыб, но и впервые видел столько много и таких крупных щук.

Я тихонько снял тозовку с плеча, взвел - и стрельнул в голову ближайшей рыбине. Щука была около метра длиной, и я, подобравшись к ней, вытащил её на берег.

Полюбовавшись на щуку, я пошел дальше. Застрелив ещё три щуки почти одного размера с первой, я решил, что больше добывать не буду, а сначала обойду ближайшие озера, посмотрю, есть ли там рыба, и решу, как дальше быть. Сложив рыбу в котомку и подвесив повыше на сук, я пошел к следующему озеру. Здесь я обнаружил такую же картину - огромные щуки по мху лезли на берег и, остановившись на мелководье и высунувшись чуть ли не наполовину, пучили глаза на свет божий, чуть пошевеливая плавниками и хвостом.

Я прошел по берегу несколько озер, и везде была одинаковая картина. До конца Сосновой Гривы было далеко и на пути ещё было несколько озер, но я, ошеломленный увиденным, и ещё не до конца осознавая, какую я раскрыл великую тайну природы, вернулся к котомке, у которой лежал уставший, набегавшийся кобель.

По пути назад я застрелил ещё две щуки с учетом того, что смогу дотащить всю рыбу до поселка. Мне всё ещё не верилось, что я попал в страну чудес.

Домой я пришел ночью.

На следующий день о своем открытии я рассказал лишь одному человеку - своему товарищу-башкиру Нилу Булатову, у которого было двое детей, а у меня - пятеро.

Мы несколько раз успели сходить тайком на Сосновую Гриву за щуками и каждый раз настреливали их столько, сколько могли донести. Фронтоны наших домов увешаны огромными вялившимися рыбинами с крокодильими головами.

Последний раз, когда с Нилом пришли за щуками на самые дальние озера у Сосновой Гривы, то обнаружили, что мы не одиноки на этом промысле - берега дальних озер были утопаны медведями, которые тоже питались у озер в период нереста щуки.

Ещё два года, пока мы жили на Новом, Сосновая Грива вдоволь кормила нас щуками, которых запасали на всё лето. Первым уехал оттуда Нил, затем уехал и я, но ни один из нас никому не выдал великую тайну Сосновой Гривы, ради сохранения уникального нерестилища щук.

По всей вероятности, все многочисленные озера соединялись между собой под толщей поверхностного мха, а также с рекой Чуной посредством глубокого ручья Канджухи. В озерах, по-видимому, водились караси и другая рыба, а также было много ондатры, что служило кормом для щуки. Самые крупные щуки были местными, судя по окраске, и на зиму собирались в озерах, где были ключи и были открытые окна воды. Молодняк щук, скорее все-

го по ручью уходил в реку, а со временем, заматерев, возвращались в родные озера. Такова моя версия объяснения этого явления, названного мной тайной Сосновой Гривы и рассказанного только теперь по прошествии трех десятков лет, тайной, с которой мне и сейчас жаль расставаться, и которую не смогли раскрыть до сих пор поколения местных аборигенов.

Автограф

Судьба занесла меня на север Тайшетского района в Кондратьевский сельский Совет. В пятидесяти километрах от поселка был открыт лесохимический участок Новый, который я должен был, как начальник, построить. В Кондратьевский сельский совет входило несколько населенных пунктов, и все они находились по берегам Чуны, которая, ниже по течению, уже в Красноярском крае, сливаясь с Бирюсой, образовывала реку Тасеево и несла дальше свои воды в Енисей.

Место глухое, забытое Богом. Население редкое, почти одни старики, так как молодежь покидала этот медвежий угол и подавалась в город. Ранее существовавшие в каждой деревне колхозы развалились и все оставшееся после этого развала было объединено в Кондратьевское отделение Тайшетского леспромхоза, а управляющим назначен Михаил Архипович Каверзин, по настоянию которого я поступил сначала в Иркутский пушно-меховой техникум, затем в сельскохозяйственный институт, и получил квалификацию биолога-охотоведа, что и определило мою дальнейшую жизнь в Сибири.

Прожил я в Кондратьевском сельсовете восемнадцать лет. Этот богатейший край оставил глубокий след в моей памяти и большинство моих воспоминаний связано именно с ним.

В самой Чуне и её притоках - Зептукее, Черчети, Тяжети, Екунчети, Кадаре в изобилии водилась рыба; от осетров и стерляди, тайменей, ленков и хариуса до ершей и пескарей. Озера Аян, Пашенное и Зельбакан кишмя кишели карасями, линями и щуками. В бескрайней тайге был и соболь, и медведь, и рысь, и сохатый, и северный олень, и все остальные виды обитателей тайги, свойственные для этой промысловой зоны.

Огромные площади различных ягодников обеспечивали кормом глухарей, рябчиков, тетеревов, которых в этих краях было несметное количество. Осенью перелетная птица тучами кормилась на озерах, болотах и полях.

Вот в таком благодатном краю пришлось мне прожить долгие годы, вырастить и воспитать детей в постоянном общении с дикой природой.

Но вернемся с небес на землю.

Ночью шел снег, и слегка потеплело. С вечера я договорился со своим кумом Николаем Бурмакиным, жена которого, Татьяна, работала заведующей конным двором, что он отвезет меня на дальние участки подсочки погонять сохачей - добыть ещё мяса на зимний период. Я только заехал в тайгу на промысел и решил перед заходом попробовать добыть мяса поближе к дому.

Рано утром, по темноте, мы выехали из дома. У меня было три лайки, а у Николая одна. Собаки убежали вперед по дороге, а мы ехали, потихоньку переговариваясь, в санях.

Начинало светать, стояла особенная тишина ещё не проснувшейся тайги. Сани с тихим скрипом и шорохом катились по давно наезженной дороге и лишь изредка тишину нарушали звуки ударов копыт о мерзлые кочки или копыта о копыто. Так проехали около часа.

Мы поглядывали по сторонам, чтобы вовремя увидеть, в какую сторону уйдут собаки за зверем или соболем, если таковые попадутся по пути. Но пока нас ничего не настораживало, и след собак четко прослеживался на дороге.

Когда мы проезжали через вершинку безыменного таежного ручейка, наш конь вдруг всхрапнул и остановился. Я соскочил с саней и увидел через дорогу впереди след человека.

- Опоздали мы с тобой, кум!

- А что такое?

- Здесь уже человек в чирках прошел рано утром.

Вдвоем мы подошли к следу, пытаюсь определить, кто и куда мог податься в такую рань. Но, пройдя немного по следу, мы поняли, что прошел не человек в чирках (ичигах), а прошел крупный медведь. След шел не вразвалку, а строкой, шаг был крупный, что по нашему общему мнению, говорило о том, что медведь худой, а значит, голодный и злой, и что встреча с ним не предвещала ничего хорошего.

Но где же собаки?

В этот момент мимо нас по следу пролетели наши лайки, не обратив внимания. Мы поняли, что собаки, наткнувшись на след зверя, сразу же кинулись по нему, но ошиблись направлением и ушли в сторону, откуда пришел зверь. Кстати, собаки наши были прекрасные лайки, уже не раз испытанные на зверовых охотах. Они мигом разобрались в своей азартной ошибке и умчались догонять зверя.

- Ну что, пойдём? - спросил я Николая.

- Я бы не против, но у меня одностволочка двадцатого калибра, да и та осекается,- ответил он.

- Брось! Не бойся! У меня ведь двустволка - шестнадцатый калибр, да и собаки у нас звери! Не думаю, что много стрелять придется: медведь ведь не в берлоге, а на воле.

- Ну, ладно, пошли! - согласился Николай.

Мы быстро привязали коня, дали ему сена из саней и, проверив свое снаряжение и оружие, кинулись по следу.

- Видишь, как стежит зверь? Был бы он жирный, то ставил бы передние лапы враскоряку - на груди сало бы мешало, а так он идет как лиса - шибко худой зверь, - рассуждал Николай.

Мне же было все равно: собаки у нас таежные, да и мы в охоте не новички, а добывать медведя престижно и почетно.

Медведь шел шагом, изредка останавливаясь у высоких муравьищ и разгребая их лапой, видимо, пытался найти что-нибудь съедобное.

Мы останавливались, прислушивались, не задержали ли собаки зверя, но было тихо. Собаки мчались по следу на махах. В азарте погони мы не заметили, как прошли несколько километров, пересекая основные гривы вперемежку с таежками, осинниками и зарослями ольховника. Шли быстро, без опаски, так как знали, что впереди собаки опытные и злобные.

След тянул к реке, которая ещё не замерзла и вдоль берега которой тянулся бор с чистыми местами и с зарослями молодого сосенника.

Лай собак слышали издалека. В это время мы проходили краем болота. Быстро сориентировавшись, мы оставили след и свернули вправо, откуда доносился злобный лай собак. Лаяли на одном месте, значит, зверь задержан. От быстрой ходьбы стало жарко, но несмотря на это, чем ближе подходили к зверю, тем сильнее холодок тревоги и чувство опасности охватывали меня. Николай несколько раз, на ходу, напоминал мне, что его одностволка осекается и что всяко бывает.

- Кум, не ной! Все будет в порядке! Ты что, боишься?

- Да нет, но ружьишко ведь осекается...

Время подходило к обеду. Выглянуло солнце. Лай был уже близко, и можно было отдельно определить голос той или иной собаки. Судя по лаю, медведь вел себя спокойно.

Неожиданно мы выскочили на дорогу. Остановившись, определили, что зверь остановлен в густом сосняке, ближе к берегу, у небольшого болотца. Не дойдя до места, где лихоматом вопили наши лайки, метров сто, мы остановились.

- Вот что, Николай! Сядь и сиди тихо со своей одностволочкой, а я пойду добывать. Когда отстреляюсь, крикну, и ты придешь. Договорились?

- Ладно - ответил он, - Но будь осторожен!

Я подтянул хорошенько ремень на зипуне, пододвинул поудобнее охотничий нож, проверил ружье, взял в руку два патрона с пулями, в запас и тихонько начал скрадывать медведя.

Под неугомонный лай собак я осторожно лез через густой подлесок, пока моему взгляду не открылась небольшая полянка с трех сторон окруженная мелким густым сосняком. С четвертой стороны был чистый вид на болотце, на крутом спуске к которому росли редкие ели. На краю поляны, противоположном от меня, в яме, образовавшейся по воле природы, залег медведь. Нас разделяло не более десяти-двенадцати метров. Туша зверя была скрыта в этой ложбинке, виднелась только голова, то и дело поднимавшаяся в злобном оскале, огрызаясь на собак.

Собаки веером выстроились перед ямой и свирепо лая, бросались на медведя. Медведь не ревел и не бросался на них, но ворчал громко и злобно, предупреждая, что в любой момент может дать бой.

Мигом оценив обстановку, я решил стрелять от стоявшей рядом сосенки и вдруг увидел, что слева от меня, к другой сосенке крадется Николай с ру-

жьем наизготовку. Я погрозил ему кулаком, чтобы он не обнаружил себя и не лез дальше. Все остальное происходило как в кино. Я уже ничего не ощущал и единственное, над чем работал весь механизм мышления - это точно выделить голову медведя и нажать на курок. Все остальное для меня не существовало.

Последнее, что мелькнуло в сознании, это после первого выстрела, подбежать к медведю и добавить, а там будет видно. Но все получилось далеко не так. Я не смотрел в сторону напарника и не знал, что он будет делать. Я знал, что буду делать я. Взведя курки, я поднял ружье и стал выцеливать голову медведя, но обнаружил, что со стволов не снял чехольчики, защищающие от попадания снега. Мигом сдернул чехольчики и прицелившись, я не смог сразу стрельнуть, так как бурмакинская сучка закрывала собой голову зверя и пришлось ждать, когда она отскочит.

Медведь рявкнул, и мушка уперлась ему в голову. Дальше все произошло мгновенно. После выстрела я бросился к медведю, но сквозь дым не увидел, что зверь мгновенно выпрыгнул из ямы и встал на задние лапы, рыча и лапами отбиваясь от собак. Я уже бежал к медведю, не успел глазом моргнуть, как очутился в его объятиях. Ружье, выбитое из рук, улетело в сторону. Последнее что я ощутил, это воняющая псиной шерсть зверя и треск зипуна. Это был конец...

Потом я куда-то летел, но в тот миг я уже думал, что это в раю...

Я не поверил, что меня трясет Николай и глупо улыбался, не зная чему. Придя в себя, я увидел, что метрах в десяти лежит медведь и рычащие собаки клубком рвут его тушу. Николай размахивал руками и приговаривал: «Не осеклась! Не осеклась!». А у меня по рукам и спине текла кровь.

Кум восстановил всю картину происшедшего. Когда после выстрела медведь выскочил и сгрел меня, он, уже готовый стрелять, успел поймать на миг голову зверя, оказавшуюся выше моей, нажал на курок. Зверь отшвырнул меня и, отскочив к болотцу несколько метров, упал замертво. Пуля попала ему как раз между глаз.

Мы посидели, приходя в себя, глядя на убитого зверя и на собак, лежащих рядом с ним и хватяющих снег разгоряченными пастями. Затем занялись перевязкой.

Разборка происшедшего показала, что первая моя пуля попала медведю в нижнюю челюсть, раздробила её и не дала ему возможность откусить мне голову, а также навеяла мысль: «Идя на зверя, заряжай свежие патроны, а не стреляй третьегодишними зарядами!».

Ободрав медведя и сложив на шкуру мясо, мы пошли своим следом к оставленному на лесной дороге коню и поздно вечером приехали домой. На следующий день кума Татьяна Бурмакина запрягла коня и привезла мясо и шкуру убитого медведя.

Об этом случае у меня остались не только воспоминания о нашей совместной с кумом охоте, но и «автограф» медведя, оставленный на плечах мне

на память. В то время я был молод и ещё не знал поговорку мудрых стариков-охотников: «За шатуном, паря, не ходи - он сам придет».

Диверсия

Однажды, перебирая свой охотничий скарб, я наткнулся на огромный медвежий клык, оставленный мной на память об одной довольно интересной истории, связанной с добычей громадного медведя. Истории, из-за которой имел крупные неприятности с руководством Полинчетского химлесхоза, директором в то время был Брагин Евгений Евгеньевич, который назвал мой поступок диверсией, направленный на срыв выполнения государственного плана по добыче живицы мастерским участком Аянский, конкурировавшим за первое место с участком Южный, где я в то время был мастером.

Все началось, казалось бы, с мелочи.

В 20-ти километрах от поселка Новый, где был расположен производственный участок, протекала таежная речка Тяжесть, куда я изредка бегал поудить хариусов, которых там было в изобилии, и наготовить на зиму домой черемши. На речке было старое зимовье, построенное в 1934 году, что подтверждала вырубленная на одном из его венцов дата «рождения».

В связи с тем, что работа на подсочке леса в основном сезонная, то и работали летом в лесу в подавляющем числе приезжие люди, очень далекие от глубокого понятия тайги и её обитателей и приезжавшие на заработки из далекой Украины. Работало на участке Аянский таких людей человек тридцать, а на моём - сорок. Работники украинцы были хорошие, и наши участки постоянно боролись за лидерство не только по химлесхозу, но и по объединению Иркутскхимлес, руководил которым мой хороший друг до сих пор, Кулик Василий Гаврилович. Потешало только то, что при малейшем упоминание о том, что в тайге водятся медведи, приводило этих людей в ужас, их от страха парализовывало, особенно женщин - сборщиц.

Но перейдем к событиям, которые воскресли в памяти при виде сувенира — медвежьего клыка в моем ящике...

В том году, пробегая по охотничьей тропе в Тяжесть через вершину ручья Аянский половить хариуса и проверить наличие черемши, я увидел, что на огромной старой пихте появилась медвежья метка — на высоте двух, а может и больше метров, медведь когтями пробороздил по мягкой коре пихты, этим самым показывал свою мощь, рост и силу, внушая страх непрошеным гостям, нарушившим границу его исконных угодий. На пихте были и старые метки - значит, медведь живет тут не первый год.

Не думая ничего плохого, я взял топор и на уровне своей груди сделал затеску. Вернувшись из своего похода домой, я рассказал своему знакомому леснику, Белоусову Василию Васильевичу, про эту историю. Белоусов был старейший работник, следопыт и даже, как поговаривали жители Петропавловки, где он жил, шаман и колдун, и ещё знахарь, излечивающий тяжкие

недуги. Впоследствии я в этом не только убедился, испытав на себе его способности, но и многому научился у него.

Так вот этот Белоусов мне говорит:

- Когда, Гоша, пойдёшь в следующий раз в Тяжеть, то посмотри, как медведь прореагировал на твою затеску, и, если хочешь его позлить, то затеши ещё раз эту пихту, потом мне расскажешь. В следующий поход я обнаружил, что медведь был и изодрал пихту побольше, и взял, и затесал её ещё раз.

Шёл уже июль, работы в лесу были в разгаре и ходить за хариусами было некогда, а черемшой давно запаслись. Кстати, черемша в районе Аянского ручья была настолько крупная и высокая - хоть косой коси. Брали только стебли, которые были в палец толщиной и возили на конях в перекидах кулями. Слойми посоленная в бочки или лагуны, переложённая крупной галькой, она всю зиму сохраняла свежесть и неповторимый вкус.

Несмотря на занятость, я нашел время опять сбегать на Тяжеть за рыбой. Дойдя до злополучной пихты, я увидел, что она разделана под орех, то есть ободрана, как липка. Под пихтой лежал ворох длинных, толщиной в палец стружек, глядя на которые, в воображении представлялся этот огромный зверь, стоящий на дыбах у дерева.

Встретив Белоусова, я ему рассказал о том, что было после второй затески, и он мне посоветовал:

- Теперь видишь, что медведь очень сердит на тебя за твои проделки, и постарайся до осени туда не ходить - могут быть неприятности.

Я перестал посещать Тяжеть, тем более, что летом ходишь в лес без собаки - такой был заведен порядок, но мысль видеть или добыть такого крупного зверя втемяшилась мне в голову.

Однажды, придя с участка домой, а дома приходилось бывать только со сдачей нарядов или по закупке продуктов рабочим, я увидел, что за моим огородом два моих кума - Володя Коновалов и Николай Бурмакин что-то закапывают в яму.

Я подошел и поинтересовался, что они делают. Оказалось, что у Николая подохла большая свинья, и они решили её захоронить в этом месте. Я посочувствовал Николаю и ушел домой, ничего им не сказав, а ночью у меня созрел дерзкий план, к осуществлению которого я приступил на следующий день, никого не посвящая в эту затею, кроме возчика Аркадия Рычкова, который работал на Аянском участке - трелевал живицу на паре лошадей на телеге, так как тракторов в то время ещё на участках почти не было.

За две бутылки водки он согласился помочь мне ночью увезти этудохлую свинью в Аянский ручей, где я собирался добыть медведя. Сидеть на лабазе у меня особого желания не было и я, наслышавшись о ловле медведя петлями, решил провести лично этот эксперимент.

В течение дня я тайком стащил кусок толстого троса, расплел его, немного отжег и приготовил четыре петли. Ночью свинья была откопана, и мы, еле погрузив её на телегу, прихватив все необходимые инструменты, отправи-

лись в путь. Две бутылки водки, обернутые в бумагу, чтобы, не дай бог, не разбились, лежали у меня в котомке.

Аянский мастерский участок был расположен по обе стороны Аянского ручья, вершина которого образовывала таежный массив, в котором я намеревался сделать ловушку. До ближайшего жилого вагончика было менее километра, а вагончиков, в которых жили рабочие, по участку было несколько.

По моей глупости, а может быть, по стечению обстоятельств, мое ловчее место было расположено чуть не в центре большого соснового массива, где работали люди. Мастером участка в то время работал Иванов Иван Сергеевич, человек темпераментный и вспыльчивый, что позже подтвердилось в полной мере. Мой же участок был расположен в пяти километрах ближе к поселку. Воду рабочим возили из Аянского ручья и в бочках на телеге развозили по вагончикам. Рабочие в лесу жили почти безвыездно, так как продукты им доставляли на место работы сами мастера.

Мы с Аркадием прибыли на место с рассветом. Аркадий, несусветный трусуна по трезвянке, под парами, а за время продвижения он прикончил одну емкость без моей поддержки, а я не пил, чувствуя ответственность за реализацию плана, почти убедил меня в своей безграничной храбрости и согласии везти эту падаль в любой край нашей необъятной Сибири.

Разгрузившись, мы попрощались и, получив вторую половину своей честно заработанной доли, возчик поехал на свой участок работы, дав мне клятву никому не рассказывать о нашей операции, а я занялся сооружением ловушки.

Между трёх сосен на границе тайги с бором я соорудил срубчик в виде треугольника с одной открытой стороной для входа в сруб к лежащей в нем усопшей свинье, и установил все четыре петли; одну на входе, а три - в местах предполагаемого подхода зверя.

Петли крепко были привязаны к растущим соснам и подвешены на вбитых в деревья гвоздях на тонкие шнуры.

Осмотрев место и все свои приспособления, я, вполне удовлетворенный своей проделанной работой, собрал инструмент и, по возможности замаскировал свои следы, отправился на свой мастерский участок, по пути разрабатывая график проверок.

Вся эта деятельность проводилась в первой декаде августа, когда ещё стояли жаркие солнечные дни, и сезон добычи живицы был в разгаре. Если бы я знал, как будут дальше развиваться события и вытекающие из них последствия, клянусь чем угодно, я бы никогда не пошел на эту авантюру. А события развивались стремительно.

Через два дня я сходил домой и принес свою двустволку шестнадцатого калибра с запасом пуль и привел на участок своих лучших зверовых кобелей - Капсюля и Барса, с очень высоким и заслуженным авторитетом злобных и бесстрашных лаек.

Первый свой провер я решил сделать на четвертый день без собак - просто посмотреть, есть ли хотя бы подходы зверя, которые можно опреде-

лить по своеобразному почерку следов медведя по густой траве, но ничего не было, кроме тошнотворной вони, разносившийся по всей округе при малейшем дуновении ветерка, и огромного роя мух, облепивших тушу падали.

Далее события развивались так.

Я ещё раз сходил проверить ловушку, но уже с собаками. При встрече с рабочими Аянского участка я наивно объяснил, что ишу места, где есть брусника. Медведя не было. А на следующий день часть рабочих прибежали к мастеру и сказали, что в распадке рывкает медведь, и они боятся работать. Мастер их успокоил, мол, сегодня отдохните, а завтра все будет в порядке - медведь уйдет. Но к вечеру, в вечерних сумерках уже четко на всю округу слышно было, что ревет уже не один медведь, а два или три.

Утром рабочие не пошли на работу, и по рации сообщено было начальнику участка об этом событии. Медведи орали всю ночь.

Утром часть рабочих собралась выйти в поселок под любым предлогом, лишь бы не идти работать в лес из-за обуявшего их страха. Несколько отчаянных пошли на работу, но вскоре вернулись. Половина мастерского участка отправилась в поселок.

Мне на участок во время очередной связи позвонил начальник участка и попросил пройти на Аянский с собаками и проверить в чем дело и угнать этого медведя, если он действительно не дает работать людям.

Но я и сам знал в чем дело и к вечеру, взял собак и ружье, отправился на провер к ловушке.

В ночь я идти не решился до места и, дойдя до вагончика в километре или полутора от петель, решил заночевать и утром сходить к месту.

Не успев дойти до вагончика, я услышал первое рывканье медведя, затем ещё и ещё. Собаки умчались в сгущавшуюся тьму.

Вскипятив чай, с кружкой в руках я вышел из вагончика. Далеко был слышан яростный лай собак вперемежку с забивающим их ревом медведя. «Неужели он в петле? - подумал я, но идти в ночь не решился и стал ждать утра. Концерт продолжался до полуночи, а затем всё стихло. Я не спал до утра. Собак не было.

Утром я отправился к ловушке. Вокруг всё на десятки метров было вытолочено, две петли сбито, а в одной, по моим соображениям, был медведь, но под натиском собак умудрился выдернуться и уйти, преследуемый собаками. Судя по тому, сколько было утолочено места и по набродам, медведь был не один.

Собаки пришли к обеду. Возможно, что они и остановили где-то медведя, но настолько далеко, что лая я не слышал. У меня стало на душе тревожно, я стал осознавать, в какую скверную историю влип, подложив свинью на соседский участок. Ещё неприятнее стало, когда на вечернем сеансе связи меня срочно вызвали на производственный участок. Я пришел ночью и только зашёл домой, понял, что мои худшие предположения сбылись.

Рабочие с Аянского участка, которые вышли из леса, загуляли, а Аркаша Рычков, по пьянке, рассказал всю историю о нашей ночной операции. В лес

на работу, как было заявлено рабочими, они не пойдут, пока медведь не будет убит.

Утром в конторе меня и ругали, и стыдили, и пугали, что мне в жизнь не рассчитаться с рабочими за вынужденный простой по моей вине, будь я даже сыном миллионера, и так далее, и тому подобное.

- Ты диверсант! — орал на меня начальник участка Овчинников Иван Степанович, - ты сорвал работу целого мастерского участка и поставил под угрозу выполнение плана производственного участка. Даю тебе три дня срока, чтобы ты убил этого медведя, хоть загрызи ты его, но люди должны вернуться в лес и спокойно работать.

Тут ещё примчалась Танька Бурмакина и заорала, мол, кто мне дал право выкопать захороненную животину и увезти на съедение хищникам, не спросив её, как хозяйку, на это разрешения.

Рабочие зло смотрели мне вслед и шипели, а мастер Иванов истерично орал, что это я сделал специально, чтобы обойти его участок, как конкурента. Мне крыть было нечем, так как мои оправдания и лучшие побуждения не воспринимались всерьёз.

Молча я собрался и отправился на участок, где остались на привязи собаки, с раздумьями, как мне выпутаться из этой истории.

Шёл двенадцатый день простоя. Вечером, добравшись до участка, я решил на следующий день взять лопату и идти к падали, чтобы зарыть её остатки, снять петли, разломать свою городьбу и разжечь на этом месте большой огонь, чтобы и следа не осталось от моего рукоделия.

Вечером же на нашу времянку пришли ещё трое рабочих с Аянского участка и захлеб рассказывали, что медведи рывкают так, что уши от страха вянут.

Чуть свет я отвязал собак, взял ружье и с упавшим настроением отправился в лес. Накрапывал дождь. Ещё не доходя несколько сот метров до ловушки, я вдруг услышал злобный, непрекращающийся лай кобелей. В душе шевельнулась надежда.

Проверив ружье, я ускорил шаг и стал осторожно скрадывать зверя в надежде, что если он даже не в петле, то удастся прицельно выстрелить. Когда я приблизился, то не узнал места, где была загородка с петлей. Все три сосны у сруба были ошкурены и ободраны добела по высоте, на которую только мог залезть медведь. Загородка раскидана по сторонам, а у сосен виднелись два огромных свежее нарытой земли. Медведя не было видно, но собаки лаяли и бросались к одному из бугров, за которым была выкопана яма, нет, не яма, а целый шурф, где был медведь. Рядом был вырыт ещё один шурф. На длину петли в пять или шесть метров был снят весь дёрн, и в общем впечатлении казалось, что здесь поработал бульдозер.

Я тихо обходил этот карьер, стараясь зайти со стороны собак, чтобы увидеть зверя, держась поодаль расстояния вытянутой петли.

Когда вылетел медведь, я даже не успел заметить, не только выстрелить. Петля с такой силой дернулась и натянулась, что, казалось вот-вот лопнет,

как струна. До меня медведь не доставал метров пять. Собаки отлетели как мячики. Медведь был огромный. Петля, пропустив всю тушу зверя, случайно затянулась на задней ноге, повыше ступни, что дало ему возможность разгона и лавирования.

Я раз за разом выстрелил в зверя. Запомнил его до жути уничтожающий взгляд и страшный рев, предшествовавший выстрелам. Затем он упал на передние лапы и замер с одной вытянутой задней лапой в петле.

Собаки, сначала осторожно, а затем, чувствуя, что зверь мёртв, со злобой вцепились в его зад, рыча и стараясь через шерсть добраться до мякоти, чтобы побольше укусить.

Глядя на его размеры, я предположил, что это хозяин этих угодий, а остальные медведи, что приходили, они шли на запах падали и орали, что возле неё уже ходит могучий хозяин, отпугивающий их своим рыком.

Я принялся обдирать зверя и, закончив свою работу, выбил обухом огромный клык на память об этом.

Прийдя на Аянский участок, нашел там приехавшего вместе с Аркашей мастера и сказал, чтобы забрали мясо медведя на участок рабочим в счет частичного погашения компенсации за вынужденный простой.

Вечером в сеансе связи я узнал, что приехал директор по поводу всей суматохи и сообщил, что последствия диверсии ликвидированы.

Мои предположения подтвердились. В последующие годы, пока я жил на Новом, и бегал на рыбалку в Тяжеть, больше никто не метил старую пихту, на которой об этом медведе остались на память старые мощные борозды от меток и клык в моем ящике.

Медвежонок

Я работал в то далекое уже время на севере Тайшетского района в Кондратьевском сельсовете начальником производственного участка «Новый» Полинчетского химлесхоза - это таежная дыра в 260 км от Тайшета, дикая глухомань в таёжном море. Куда только судьба не забросит страстного любителя природы и охоты? Директором химлесхоза в то время был Чешев Пётр Иванович, бывший начальник лагеря, со всеми вытекающими из этого странностями: обращался на «ты» к подчиненным, независимо от ранга и возраста. Его требования были непредсказуемы и беспрекословны к выполнению.

Его визит на мой производственный участок был вызван не потребностью ознакомиться с ходом производственных работ и бытом подсобников, проживающих в тайге, а просто желанием провести время на природе, вдали от кабинетной работы, чтобы дать мне задание набрать ему ягод на зиму.

Коротко ознакомившись с выполнением плана по добыче живицы, Петр Иванович приказал:

- Седлай двух верховых лошадей (в то время все работы по развозке бочкотары и вывозке из леса живицы производилась гужевым транспортом, имелся

конный парк), где ты собираешься на будущий год набирать сырьевую базу в подсочку и урожай на ягодниках, чтобы ты не забыл мне набрать ягод на зиму и не выдумывал, что нынче неурожайный год. Да, чуть не забыл - пистолет мой (в то время руководителям предприятий выдавалось табельное оружие) положи в свой сейф, чтобы не потерять – он без кобуры.

Все было сделано, как он приказал, и мы, попив на скорую руку у меня дома чаю (Петр Иванович спиртного не употреблял), выехали верхом в разведку. Дело было в конце июля, лето было в полном разгаре, день был не жаркий. Паут уже отошел, а слепни и мошка не особо донимали нас и лошадей. Запах хвои, море цветов вызывали приподнятое настроение.

Отъехав километра 3-4 от участка и, проехав через большой выруб (в то время очистка лесосек велась очень четко и строго, не то, что в наше время), мы приблизились к лесному массиву, в котором располагался хороший ягодник-черничник. Перед нами был лес, в котором, преобладала перестойная, кубатуристая сосна с довольно густым подлеском из ольховника, но лес хорошо просматривался.

- Стой! - сказал Петр Иванович, - я пойду посмотрю, как ягодник нынче выглядит - есть ли урожай.

Он слез с коня, а я, не слезая со своего, взял уздечку его скакуна.

Только директор зашел в лес, как неожиданно на толстую высокую сосну, рядом с опушкой, стремительно полез медвежонок. Я его увидел тогда, когда услышал царапанье по дереву и обратил внимание на сыпавшуюся изпод его лап кору. Петр Иванович мигом подбежал к дереву и закричал:

- Ага! Попался, подлец! Сейчас я покажу тебе «кузькину мать!» Ну-ка, слазь!

Медвежонок, забравшись метров на 7-8 до первых сучьев, больше с любопытством, чем со страхом, сверху вниз смотрел на Петра Ивановича своими черными, как спелые вишни, глазками, не предполагая, видимо, что это не просто двуногое животное, а хуже - бывший начальник лагеря, от которого так просто не отделаешься.

Я был уже охотником, но мой малолетний стаж не подсказал мне ни разумом, ни интуицией, что это может плохо кончиться. До лошадей, видимо, донеслось запах медведя, и они начали похрапывать. Петр Иванович выскочил из леса и крикнул мне:

- Гоша! Слушай! Дуй быстренько за пистолетом, а я ему не дам слезть и убежать! Мы добудем этого гадёныша! Дуй быстрее! Моего коня привяжи! Я попытался ему воспротивиться:

- Петр Иванович! Ведь у него где-то рядом мама, как бы чего не вышло...

- Брось дурака валять, - кричал директор, - разве ты не видишь — это беспризорник. Если бы мать была, то он был бы рядом с ней, а это просто бродяжка! А потом, если у него и была мама, то она от страха за 20 километров от нас. Дуй за пистолетом!

Приказ есть приказ. Привязав коня директора к оставшейся на вырубке осинке, я «во весь опор» помчался в поселок, а Петр Иванович пошел к сосне жучить медвежьего несмышленища.

Как бы то ни было, я мигом примчался назад с пистолетом за пазухой к шефу, чтобы доставить ему удовольствие в добыче медведя, хотя никакого желания участвовать в этой позорной акции у меня не было.

Подъехав, я крикнул: «Петр Иванович, приказ выполнен - оружие доставлено!». Шеф вышел на опушку: «Сейчас мы его снимем, но его ещё пугану, чтобы удобней сел», - взяв толстый сук, он пошел к сосне пугануть малыша.

Мне все это хорошо было видно с коня, на котором я сидел с пистолетом за пазухой метрах в 20 от опушки, рядом с привязанным его конем. Петр Иванович с огромным суком направился к сосне и, вдруг, навстречу ему из ольховника выкатывается огромная медведица. «А вот и мама», - екнуло у меня под ложечкой.

Шерсть у неё на загривке дыбом, оскал огромной пасти с зубами с мой большой палец руки, она медленно, но уверенно шла на директора, и по её виду и горевшим огнём глазам не похоже было, что с добрыми намерениями...

Шеф остолбенел, убрав руки назад, бросил сук, который держал, затем, вытянув руки вперед с растопыренными пальцами, заблажил:

- Ты! Ты, стерва, ты что, сдурела! Ну, куда, куда ты прешь?

Медведица медленно приближалась, а Петр Иванович крутил перед ней кистями рук и во весь голос кричал:

- Ты, ты... брось дурака валять! Че тебе надо от меня надо? Ты видишь, что у меня в руках ничего нет - ни палки, ни пистолета. Да и откуда я знаю, что придурок сидит на сосне? На хрена он мне нужен! Отцепись от меня! Пистолет вон у того типа, что сидит на коне, а у меня ничего нет, и мне даром не нужен твой выродок!

Медведица была уже метрах в трёх от шефа, коленки которого ходили ходуном.

Я испугался и, забыв о пистолете, не знал, что предпринять - ведь на моих глазах она сейчас придушит директора, как котенка, успел только закричать:

- Петр Иванович! Не убегайте - это ещё хуже. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях, - и добавил, - с переломанными ногами.

Петр Иванович потихоньку отступал, видимо, исчерпав весь запас аргументов в своей невиновности и отборных матов в адрес матери медвежонка. Медведица вдруг остановилась, подняла голову, приняв себя, рыкнула раз и медленно пошла в лес. Мне показалось, что даже сплюнула от причитаний этого труса, а может быть, что-то учуяла, так как, четко было видно, что штаны у шефа были мокрые и едва держались на нём...

Петр Иванович добрал до лошади, как-то неловко, с трудом залез в седло, и мы медленно тронулись в путь по направлению к дому.

Немного отъехав, я оглянулся - медвежонка на дереве уже не было. Я съехидничал:

- Пистолет-то возьмите, Петр Иванович, - не забудьте, заряжен пулей на медведя. Я думаю, если бы я успел его вам передать, то она точно бы вас придушила, так как слышал, что вы, вдобавок ещё и мазила. А так Вы ловко оправдались, что пистолет у «того типа, что сидит на коне». Вы в «рубашке» родились - эта медведица должна была вас четвертовать до моего приезда, избавив меня от ягодной проблемы. Будете знать, как обижать маленьких...

Перед поселком, молчавший до этого Петр Иванович, заикаясь и вдруг на «вы», да ещё и по имени отчеству, попросил меня:

- Георгий Георгиевич, я прошу Вас, никому не рассказывайте об этом случае. Пусть это останется между нами.

- Конечно, Петр Иванович, - пообещал я, понимая, что он переболел «медвежьей болезнью». Не зря медведицу чуть не стошнило, когда она принялась к нему перед своим уходом.

С той поры прошло почти 40 лет. Я решил написать этот рассказ, потому что эта правда уже не заденет старика — шефа, даже если он прочитает его, а у читателей вызовет улыбку - чего только не бывает с теми, кто пытается обидеть маленьких...

«Разрывная» пуля

Золотая осень отцвела в том году рано. Осыпалась листва с берез и осин, отзвенели летком, охваченные заморозками, лужи с застоявшейся водой осенних дождей. Выпал первый снег, и хотя лес выглядел довольно уныло, охотничья страсть неудержимо влекла в лесную глушь в поисках своего удовлетворения.

Участок, где мы жили, был небольшим: всего восемь двухквартирных домов, маленький магазин и такой же клуб, который после отъезда сезонных рабочих никто не посещал. Производственные работы в лесу были завершены, и времени для охоты хватало, хотя зараженных этой «болезнью» на участке было всего двое - я и Яков, мой друг и наставник в тайге.

Все леса, закрепленные за участком по добыче живицы были нашими охотничьими угодьями и нам с лихвой этого хватало, так как сюда входили и ручьи, и реки, и таёжки попеременно с борами.

В тот октябрьский день Яков со своей лайкой Шариком решил посвятить обследованию дальних ручьев одной речушки, пострелять рябчиков и глухарей, проверить, какими зверьками богаты те места.

Шарик, несмотря на свое довольно сентиментальное имя, был кобелек разумный, довольно-таки храбрый и для своего возраста сообразительный, ему шла третья осень. Он довольно успешно искал белок, колонков, боровую дичь, работал по барсуку. Крупного зверя в тех местах в связи с массовым пребыванием в лесу было мало - влиял фактор браконьерства, но Якову приходилось ранее добывать и лосей, и медведей.

Снег ещё был неглубокий, идти было легко и, убив несколько рябчиков Яков к обеду дошёл до тех мест, которым решил посвятить этот день. У него

с собой была старушка-«тозовка» - полуавтомат, заряжавшийся через ложу, неизвестно какой страны и года выпуска, но била она хорошо и стрелок мой друг был отменный, в чём я не раз убеждался.

Кстати, соболя тогда в тех местах практически не было, так как в своё время он был истреблён и только начал изредка появляться в отдаленных глухих местах.

День был пасмурный, но небольшой мороз придавал бодрость и легкость хода. В лесу было тихо и таинственно ясно. На бору было много брусники и из-за неглубокого снега рябчики и глухари придерживались вершин таёжных ручьёв, чтобы в случае опасности можно было укрыться в тёмном хвойном лесу. По таёжкам попало несколько белок, но стрелять их Яков не стал, так как видно было, что она ещё не совсем дошла, а попавшиеся следы нескольких колонков кобеля не заинтересовали из-за старости следа.

Определив, что пора закругляться, чтобы до темноты вернуться домой, Яков понемногу забирать к дому. Направо от него находился большой массив темной тайги, куда уже не было времени идти, а налево открывался сосновый бор, где вперемежку со старыми перестойными соснами росли крупные лиственницы, осины и изредка кедры.

Неожиданно, метрах в трехстах раздался свирепый лай Шарика. Яков насторожился и понял, что кобель лает не мелочевку, а зверя. Лай был злобный, а иногда звонче, но на месте, и Яков начал тихонько скрадывать зверя и, хотя не знал какого, в душе чувствовал, что крупного.

На подходе он увидел, что Шарик мечется у комля огромной лиственницы. Подкравшись ближе, Яков увидел, что пес, весь оцетинившись, лает, под комель вниз и сразу подумал о том, что за весь день нигде не пересекал ни одного следа ни рыси, ни росوماхи, ни другого крупного зверя.

«Неужели медведь?» - молнией мелькнула мысль, но любопытство и охотничий азарт вытеснили все остальные эмоции.

Не доходя метров 30 до Шарика, Яков обнаружил, что под лиственницей, похоже берлога, а отсутствие следов указывало на то, что медведь в ней.

Выбрав удобное место между двух берёз, Яков взял на мушку дыру, куда остервенело лаял пёс, и стал ждать. Но долго ждать не пришлось: медведь начал подавать признаки жизни, по-видимому, ему надоела возня возле его жилища. Несколько раз он высовывал голову и глухим ворчанием отпугивал собаку от входа.

Азарт победил страх перед опасностью и Яков начал стрелять в медведя после каждого его появления из берлоги.

Сначала медведь вёл себя спокойно, но попадавшие в него пульки начали его раздражать, и он выскакивал до передних лопаток, всё громче рыча и скалясь на собаку. Но, огрызаясь, медведь мигом прятался и поэтому вести точный прицельный огонь из «тозовки» было сложно.

Истреляв первые десять зарядов, Яков быстро засыпал в ложу следующие десять патрончиков и, забыв обо всём на свете, продолжал стрелять по

мелькавшей моментами в дыре туше зверя, не желавшего покидать тёплую берлогу.

Шарик истерически орал на медведя, который всё чаще и чаще выныривал из берлоги и снова скрывался в ней. Всё это сопровождалось рычанием раненого зверя, а Яков уже стрелял третью десятку патронов. И тут наступила развязка.

Медведь с ревом вылетел из берлоги и кинулся на кобеля. Яшке повезло - Шарик действительно умный и смелый пёс - он не бросился хозяину под ноги от расвирепевшего зверя, а стал уводить его в сторону. Яков же стоял не шевелясь, чувствуя, что дело пахло «жареным», что расплата может быть короткой.

Но медведь, нажаленный пулями и, видимо, получивший серьёзные раны, сорвав своё зло на собаке, шагом пошёл прочь. Ещё долго слышался злобный лай Шарика, но Яков не решился идти следом.

Подождав немного, он внимательно осмотрел следы ушедшего медведя, и убедившись, что зверь ранен - след с кровью, решил до ночи вернуться домой и утром, пригласив меня, отправиться преследовать зверя.

Вернулся Шарик, возбужденный преследованием медведя и улегся, тяжело дыша, у ног хозяина.

Не успев отойти и полкилометра в сторону дома, Яков увидел, что пёс стремительно помчался вперед и что медведь идет ему на встречу.

Яков затаился за толстой сосной с «тозовкой» наготове, решив подпустить зверя поближе и стрелять наверняка, сколько успеет, из своего полуавтомата (полуавтомат - это ружье, которое может стрелять после каждого нажима на спусковой крючок до окончания патронов в обойме без перезарядки, в данном случае десять патронов).

Медведь шёл, не торопясь, не обращая внимания на кружившую вокруг него собаку, в направлении берлоги. Он прошёл метрах в пятидесяти от Якова и вскоре скрылся в наступивших сумерках.

Шарик преследовал зверя недолго и догнал Якова, довольно виляя хвостом и глядя на него, словно желая сказать: вот, мол, я каков!

Яков пришёл домой поздно и сразу мне рассказал о своих дневных приключениях. На следующий день было решено идти за медведем.

С вечера я собрался в поход. В то время у меня было ружьё «Белка» первого выпуска, и приблудившаяся собачонка Лётка, которую тоже решили взять с собой. Яков взял двустволку 16 калибра.

Ранним утром, по морозцу, мы отправились в путь. Ночью снегопада не было и по вчерашним следам через пару часов уже подошли к месту недавних событий. Не доходя с полкилометра, взяли собак на поводок, и, не торопясь, стали подходить к берлоге. Было тихо, лишь изредка у таёжки посвистывали рябчики да постукивали дятлы на своих сухостойных «кузницах».

Вот показалась лиственница, под которой устроил берлогу медведь. Останавливаемся.

- Слушай, Гоша! Я тебе забыл сказать, что у меня заряжены в оба ствола патроны с разрывными пулями. Подходим поближе, и как только медведь покажется - я стреляю первым. Разрывные пули - ты увидишь, что это такое, - говорит Яков.

Я смотрел на него восхищённо и меня даже подмывало посоветовать, чтобы стрелял он не прямо по туше - разнесёт ведь зверя! - а как-нибудь поаккуратней.

Не доходя метров пятьдесят, отпускаем собак, и с ружьями наготове тихонько крадемся к берлоге. Собаки забегали вокруг, затем подбежали к ней и, ошетилившись, заглянули в дыру. Вдруг Шарик нырнул в берлогу и через мгновение, вылетев оттуда, вопросительно посмотрел на нас: медведя в берлоге не было.

Осмелев, мы облазили всё вокруг. Увидев место, откуда стрелял Яков и разлетевшиеся во все стороны гильзы, я действительно убедился в опасности, которой он подвергал себя и подивился его смелости.

Сделав небольшой круг, мы вышли на след медведя и начали преследование.

Медведь шёл шагом, чётко отпечатывая на снегу следы лап с длинными когтями. На следах передних лап была кровь. Кроме того, по следу и по бокам от него снег был красным, как будто его обрызгивали из пульверизатора. След шёл по прямой через борину к видневшейся вдалеке кромке глухого массива тёмнохвойной тайги. Местами, где медведь шёл по брусничнику, от раздавленной ягоды казалось, что он истекает кровью.

Собаки то бежали впереди по следу, то убегали в сторону, а затем и вовсе куда-то ушли. Мы по чистому лесу шли быстро, но, зайдя в тайгу, пошли потише, выпутывая по мелкому подросту и колодинку следы преследуемого зверя. Собаки появлялись изредка, потом опять убегали, и мы иногда останавливались, слушая, не лают ли они, хотя день был тихий и лай можно было услышать далеко. А как хотелось поскорее услышать собак! Но было тихо. А медведь шёл без остановки и отдыха, не сбавляя шаг.

По густой тайге снег был намного мельче, и трудней было находить следы. Наконец на нашем пути открылась небольшая полянка, на которой стоял огромный кедр с густыми разлапистыми ветвями. Так как Яков шёл впереди, он пошёл прямо к кедру, мимо которого проковылял зверь. У кедра мы остановились и прислушались, но собак не было слышно. Решили перевести дух. Яков достал махру и стал вертеть сигарку, а я, хотя и не курил, решил его поддержать.

Скручивая сигарку, я смотрел под ноги и вдруг увидел, что примерно в метре от комля на снегу видны разводья крови и снег весь в дырочках от кровавых капель, хотя и нет следа зверя. Я молча глазами показал Якову на это место. Глянув туда, мы оба машинально подняли головы вверх и - о, ужас! - в просвете между толстыми сучьями на высоте четырёх-пяти метров на нас внимательно уставились медвежьи глаза. Они мне запомнились на всю

жизнь, следили за каждым нашим движением, как бы решая, что же предпринять дальше.

Нас как ветром сдуло от кедра.

- Гоша! Целься в комель дерева, иначе не успеешь выстрелить! Он спрыгнет мигом! Стреляю! - крикнул мне Яков.

Выстрел грохнул тише, чем я ожидал. «Всё-таки разрывной пулей!» - мелькнуло в голове.

Со стороны медведь плохо просматривался из-за густой хвои, но темно-винову было видно. Я на миг только глянул и уставился в комель кедра. Было слышно, как будто сверху посыпалась крупа. Позже я догадался, что это кровь со зверя. Грянул второй выстрел, и через какой-то миг, ломая сучья, вниз полетела медвежья туша.

Он упал на спину и стал загребать передними лапами воздух.

- Не стреляй! - крикнул Яков и осторожно стал подходить ко мне. Через пару минут зверь затих. И тут откуда-то из чащи вылетели наши опростоволосившиеся лайки и принялись к нашему восторгу теребить могучего зверя, стараясь оправдаться за свой промах.

Обдирая медведя, мы обнаружили, что весь его перед - лапы, грудь, уши, голова - изрешечены из «тозовки», а одна или две пульки сидели в шее и в горле.

- А почему медведя не разорвали твои «атомные» пули? - спросил я Якова после всех впечатлений.

- Это разрывные-то? - захохотал он. - Да я ведь тебе это внушил, чтобы ты не сдрейфил!

Позже, анализируя этот случай, я пришёл к выводу, что полуавтоматическая «тозовка» за счёт газоотводной трубки на передёргивание затвора теряла убойность и не хватало силы пробить голову зверя. Кроме того, зверь был жирный и не очень агрессивный, а главное, мой друг Яшка, по-моему, родился в рубашке.

Так начался мой отсчёт в медвежьих охотах. Это было в 1958 году.

Петька-медвежатник

Тайшетский район, д.Кондратьево.

Весна была дружной, лед пронесло по реке Чуне в первых числах мая, а по косогорам и берегам реки зазеленела трава. Жители стали потихоньку выгонять на пастьбу застоявшуюся за долгую зиму скотину, соскучившуюся по молодой зеленой траве. Пастухов сроду в деревне не было, и скотина свободно паслась по полям, берегам, а со сходом снежного покрова и по лесу, вплотную прилегающему к деревне. К концу мая у жителей начались весенние заботы по посевной и рыбалке.

Колхоз уже был ликвидирован, и Кондратьево существовало как производственный участок Тайшетского госпромхоза, так что хочешь сей, а хо-

чешь рыбаць. Рыбаками здесь были все - от глубоких стариков до едва начинающих ходить потомков, независимо от пола. С охотой было похуже - уклад был взят что поближе и полегче, с уклоном личных интересов. Скотину держали почти в каждом дворе, а общественного стада уже не было. Жизнь протекала тихо, спокойно - на самогоночку ещё зернышек хватало с прошлогоднего урожая, до уборочной ещё далеко, а на посевную хватит того, что останется.

И вдруг этот покой нарушился. Возмутителем спокойствия стал медведь, который присмотрел деревенских коров и начал регулярные набеги. Когда на четвертый день обнаружили задранной первую потерявшуюся корову, то мужики определили по следам, что медведь был очень крупный - это было видно не только по следам, но и по количеству съеденного за один прием мяса. А крупному медведю съесть 40 кг и более мяса ничего не стоит.

Корова была задрана километров в 2-2.5 от деревни на берегу реки. Посудили, порядили мужики и порешили, что ходить на лабаз далеконок, да и, поди, медведь наелся и больше не придет. Но не зря говорят, что у охотника одно на уме, а у медведя другое. Не прошло и десяти дней, как потерялась вторая корова, потом - третья...

Народ забеспокоился. Организовали сход, пристыдили мужиков за трусость и лень, и начальника участка Степанюка Николая обязали организовать отстрел этого разбойника-медведя. Но медведь был стар и хитер. Обнаружив следы человека у заваленной скотины, больше туда не ходил, а выбирал следующую жертву и совсем в другом месте.

Охотники устраивали облавы, строили лабазы, караулили медведя по ночам, но толку от этого не было. Медведь был умнее. А лесник Догата (Каверзин Василий) - кличка ему дана за то, что за каждым словом повторял; «А я догадался!» - так тот додумался на одной из набитых коровами по таежке троп насторожить на медведя петлю из тросика, и бывает же такое, поймал в эту петлю собственного двухгодовалого быка. Когда нашел быка, то пытался сымитировать, что быка задавил медведь, но был разоблачен. Вот и догадался. А бык-то протух. Ну и смеху же было.

В течение лета медведь умудрился задрать восемь голов, притом безнаказанно, а ближе к осени исчез - ушел в глухие места на ягодники, а глухих мест было предостаточно - на север до Ангары через хребет 150 км, а по реке вверх до ближайшей деревни около этого. До зимы никакого разбоя больше не было, народ успокоился, и только горькие воспоминания о потерянной скотине нет - нет да возникали в семьях обиженных людей.

Но вот прошла зима со своими лютыми морозами и метелями, вновь под теплыми лучами зажурчали ручьи талых вод, и вновь полезла из оттаявшей земли зеленая трава.

Опять оголодавшая скотина разбрелась по берегу и оттаявшим косогорам щипать молодую траву, и... опять появился, судя по следам, тот же самый медведь - Потрошитель. И почерк у разбойника был прежний - корову или телку задерет, до отвала наестся и уходит в тайгу. И вновь бабы голосили о

потерявшейся скотине, мордовали мужиков и охотоведа за их несостоятельность и бессилие отстрелять медведя, приносящего столько горя. Несмотря на все некоторое время проявлял себя в другом, задавив очередную скотину. Время шло...

После обследования сосновых массивов руководством химлесхоза, где я работал в то время директором, было решено открыть ещё один мастерский участок по добыче живицы в 8-ми километрах от д. Кондратьево, благо позволяла сырьевая база.

Был завезен строительный материал, бригадой рабочих до начала подготовительных зимних работ в лесу было построено жилье. Дом был построен просторный, теплый, и многие рабочие проживали постоянно, так как почту, продукты им доставляли еженедельно. Имелась баня, склады и все необходимое для нормальной жизнедеятельности. Также имелась рация, по которой осуществлялась связь с центральной конторой. Мастером нового участка был назначен Федор Мараховский, бывший вздымщик, имеющий опыт работы и пользовавшийся уважением среди рабочих и администрации.

У Федора был сын Петька, который, окончив 8 классов школы, дальше учиться не захотел, несмотря на уговоры родителей, а заявил, что хочет работать в лесу. Отец, чтобы парень не болтался и не бездельничал, уговорил меня принять сына на работу на его мастерский участок и взял на себя ответственность контроля за ним.

К концу лета медведь задрал уже шесть голов скота и опять неожиданно скрылся в неизвестном направлении, скорее всего, на ягодники перед зимней спячкой. Все лето только и разговоров было о его проделках.

Наступила осень - пора промысла, и мужики разъехались по зимовьям - кто по реке на лодках, а кто и выючно на лошадях. Я тоже ушел в тайгу добывать пушнину. Местные мужики к середине ноября уже выкатывались из тайги, так как снег уже становился глубокий, и ходить без лыж было тяжело, да и ловушками промыслять местные охотники не любили. Медведей в этом сезоне никто не добыл. К концу ноября и я вышел из тайги, так как отпуск был на исходе.

В лесу вовсю шли подготовительные работы - подготовка участка к летнему сезону добычи живицы. Подготовительные работы - окорение (специальным настругом со ствола сосны снимается слой коры до луба определенного размера, то есть площади, на которой летом специальными резцами наносятся срезы определенной глубины, и поэтому в металлическую емкость-воронку сбегает смола сосны - ценнейший компонент для 200 видов промышленного производства) довольно трудоемкий процесс, предусматривающий целый день подготавливать на каждом дереве площадку, переходя от одной сосны к другой.

Петьке отец отвел деляну в 2 километрах от жилья, где древостой был потоньше и кора послабее, чтобы парень не так уставал и быстрее научился качественно выполнять эту работу. Для смелости Федор дал сыну одноствол-

ку 16 калибра; зарядил патронов с дробью и один патрон пулей для поддержки морального духа.

Петька с ружьем обращаться умел и не раз бегал пострелять рябчиков. С Петькой на работу бегала его молодая лаечка Жучка, которая носилась по его следам и сосновой чаще.

В этот день Петька отправился на работу с Жучкой, предварительно зарядив ружье пулей, как его учил отец. Была суббота, Федор и часть рабочих выехали на привозившей продукты и почту машине в п. Полинчет, где была контора химлесхоза, и жили все рабочие с участка. Петька домой не поехал. Кроме него ещё остались трое рабочих, решив провести отдых в лесу.

Петька, не торопясь, отправился на деляну, чтобы обойти участок леса, где ему предстояло работать, и заодно, если удастся, погонять рябчиков. В лесу снег был помельче, чем на открытом месте, и идти было легко. Пройдя уже подготовленную им часть леса, Петька пошел по границе участка, прикидывая, долго ли ему ещё на нем работать. Средний размер рабочего участка по площади составляет 30-40 гектаров, так что места побродить хватало. В дальнем конце участка была куртина молодого сосняка, к которой и направился Петька в надежде вспугнуть рябчиков.

Жучка носилась по лесу, принюхиваясь ко всем попадавшимся следам и поглядывая на вершины деревьев в надежде увидеть что-нибудь, удовлетворившее бы её любопытство. Петька видел, что Жучка нырнула в куртину. Площадь куртины была не очень большая и по этой чаще росли редкие толстые сосны и небольшие ели. Не доходя до этого острова зарослей, Петька услышал, как залаяла Жучка. Он снял с плеча ружье и осторожно стал подходить к зарослям, поглядывая поверх чащи, надеясь увидеть взлетевших рябчиков, а затем полез в карман куртки за дробовыми патронами, но его насторожил лай Жучки - раньше он не слышал в её голосе таких интонаций; то злобно, то испуганно, и решил подойти поближе посмотреть, что же она нашла. Лай был на одном месте, с перерывами.

Петька положил патроны с дробью в карман и полез через чащу к Жучке, сжимая в руке ружье. Продравшись сквозь чащу, он выбрался на небольшую полянку, на которой росла толстая сосна, а возле неё был, как ему показалось, большой сугроб снега. Отряхнувшись от нападавшей на шапку и плечи кухты, Петька подошел к сугробу. Как оказалось, это была куча земли, с которой Жучка лаяла в комель сосны и умолотила вокруг весь снег. Петька со стороны зашел посмотреть, что же там нашла Жучка. А Жучка носилась возле сосны и злобно лаяла, увидев рядом хозяина. Вдруг снег у комля сосны разлетелся в стороны, и из-под снега показалась огромная голова медведя, вылазившего из берлоги. Медведь зарычал страшным утробным рыком. Жучка моментально отскочила за Петьку, у которого отнялись ноги от ужаса. Но это было только мгновение, так как медведь, выбросив вперед передние лапы, начал вылазить. Вспомнив о ружье, Петька взвел курок, прицелился и выстрелил. Раздался страшный рев. Увидев сквозь дым уже почти наполовину вылезшего медведя, Петька, развернувшись на месте, кинулся бежать, не

разбирая дороги, лишь бы удрать подальше от этой жути. Все это произошло настолько быстро, что Петька, только выскочив на чистый бор, увидел далеко, удирающую от страха, Жучку. Петька не успел оглянуться, как выскочил на дорогу. Остановившись передохнуть, он услышал непрекращающийся рев медведя.

Петька летел по дороге и орал во весь голос; «Медведя убил! Медведя убил!». Впереди мелькала Жучка, не совсем понимая, что же все - таки произошло. Так и примчались они к дому, а навстречу им уже бежали мужики, которые, услышав крики Петьки, торопились ему на помощь. Они не поверили Петьке о случившемся.

Немного отдохнув, всем отрядом пошли к месту события, вооружившись ружьями, но Жучка с ними не пошла. Не забыли взять веревку. Прийдя на место, осторожно подкрались к берлоге с ружьями наготове. Медведь, наполовину вылезший из берлоги, был ещё в агонии. Немного подождав, стали думать, как его вытащить из берлоги. Много потрудились, пока достали косолапого. Только когда медведь был наверху, можно было рассмотреть, какой это был громадный зверь. Позже уже многие, глядя на растянутую шкуру, повторяли; «В рубашке ты, Петька, родился». Петькина пуля попала медведю в шею у основания головы и застряла в расколотом позвоночнике. Меня угощали бруском мяса, на котором слой сала был толщиной 15 см. Я прожил в том краю ещё несколько лет. Сколько помню, больше коров медведь не драл, а Петьку стали называть Петька-медвежатник, чем он гордился. Ему было тогда 15 лет.

Ванюшкин ключик

В то время я работал начальником производственного участка «Новый» Полинчетского химлесхоза, который мне пришлось строить и развивать в смысле увеличения объемов добычи живицы - смолы сосны, которая является не только компонентом 200 отраслей нашей промышленности, но и стратегическим сырьем. Условия работы были крайне тяжелыми. Бочкотара под эту смолу изготавливалась ручным способом, доставка бочкотары и готовой продукции - только гужевым транспортом.

На нашем участке работала семья Ивановых. Ксения Ивановна, крепкая, рослая, сильная женщина, олицетворение нашего славянского народа, заведовала нашим конным двором, о тракторах здесь знали только понаслышке. Ее муж, Петр Сергеевич был возчиком, в чьи обязанности входила завозка бочкотары на конях и доставка готовой продукции на склад. Расстояние от места сбора живицы до склада составляло километров десять. У Ксении и Петра был сын Иван, или, как мы его называли, Ванька-бригадир. Он целыми днями ошивался с матерью на конном дворе, помогал ей: где сена коням даст, где их почистит, и кони, к нашему удивлению, никогда не уросили, если Ванюшка их скреб, гладил и обхаживал.

Каждый день Ванюшка шел с матерью на конный двор, в фуфайчонке и кирзовых сапогах, как на работу, с удивительным для его возраста мужским достоинством и гордостью. Мы удивлялись его недетским увлечением работой, посмеивались: вот растет достойная смена нашего нелегкого труда подсолнечников.

В тот злополучный день отец запряг в телегу коня и собрался везти на участок пустую бочкотару. Он должен был развести бочки по рабочим участкам и доставить затаренные бочки на склад. На выезде из конного двора к нему подошел Ванюша и попросился поехать с ним. Очень пареньку хотелось посмотреть и узнать отцовскую работу. Отец долго не соглашался брать Ванюшку с собой, но потом, понимая, что сын все время будет с ним рядом, согласился.

Петр с Ванюшкой сели на телегу, груженую бочкотарой и отправились на участок Аянский, который располагался в шести-восьми километрах от поселка. Ксению Петр не предупредил, что взял сына с собой, поэтому она, не обнаружив его рядом, решила, что Ванюшка заигрался с ребятами в поселке.

Отец и сын ехали на передке телеги, а сзади погромыхивали пустые бочки. Перед этим прошли дожди, дорога была трудной: встречались низины, где приходилось помогать коню пройти труднодоступные места. Дело было осенью, наступившие заморозки напоминали о скорой сибирской зиме. Дорогой Петр с сыном говорили об отцовской работе, Ванюшка, так любивший лошадей, решил, что, когда вырастет, будет работать на этом поприще. Случилось так, что в одной из низин телега застряла, конь не в силах был ее вытащить и лег. Петр, перепробовав все способы вытащить телегу, решил идти за подмогой.

- Ты, Ванюшка, сиди здесь, никуда не уходи, а я скоро вернусь, и мы поедем дальше.

- Понял! - сказал Ванюшка, оставаясь один на один с лошастью и телегой. Он подошел к лошади, погладил ее, поговорил с ней и стал ждать отца.

Дальше события развивались так. Ванюшке надоело ждать отца, и он решил побродить по лесу. Ванюшка потерялся, пропал... Ему всего шесть лет... Когда Петр вернулся домой, Ксения спросила, был ли Ванюшка с ним. Он ответил: «Нет». Начался переполох. Куда делся ребенок? Что с ним? Все на участке любили этого мальчика, такого не по возрасту делового, любили его походку, его отношение к нам, взрослым. Мы восторгались им, ценили его целеустремленность, считали Ванюшку хорошей сменой, замечательным представителем молодого поколения...

Когда я узнал, что у Петра и Ксении потерялся сын, снял всех рабочих с участка и организовал поиски ребенка. Вся беда в том, что отец Вани так и не признался, что ребенок был с ним. Десятки людей прочесывали близлежащие уголья, кричали, стучали, искали всеми любимого этого мальчика, но все было безрезультатно. Только Петр искал Ванюшку один, отдельно от других, он

боялся признаться жене в том, что сын был с ним. Позже я понял: он боялся сказать жене, потому что она его не простит...

Две недели поисков результата не дали. Всем было тяжело осознавать, что случилась трагедия. Поиски прекратили. Вскоре я добыл матерого волка, но при вскрытии желудка не обнаружил ничего, что указывало бы на то, что он съел человека...

В том же году Петр и Ксения Ивановы уехали из поселка - их угнетала гибель Ванюшки в этих местах. Постепенно эта история стала забываться. Однажды километрах в пяти от поселка я поставил капканы на соболей и весной их снимал. Проверая капканы шел по ручью. Вдруг на одном из весенних наносов я увидел маленький кирзовый сапожок...

Как я понял, он принадлежал Ванюшке, тому маленькому человечку, которого мы так и не смогли найти. Эта история вновь всплыла в моей памяти. Я понял, что в гибели Ванюшки повинен отец, потому что скрыл, что тот был с ним на работе. Если бы он сразу сказал об этом... Я тоже виноват, так как не попытался до правды...

Прошли годы. Много лет. Как-то иду утром по Иркутску, по улице Байкальской. Дворники метут, очищают город... Иду не торопясь. Прохожих впереди меня нет, только дворник в оранжевом жилете. Я хотел было пройти мимо, но его лицо показалось мне знакомым.

- Петр, ты? - спрашиваю.
- Я, Георгий Георгиевич.
- Как живешь? Чем занимаешься

Да ничего, нормально. Все хорошо, только грустим о единственном сыне...

Я долго смотрел ему в глаза, но язык не повернулся сказать ему, что это он виноват в смерти сына, место гибели которого я нашел. Я выстругал крест на ближайшей сосне, а ключик, где погиб мальчик, назвал Ванюшкиным.

Серые тени

В Кондратьевский сельский Совет Тайшетского района входило пять населенных пунктов, которые были расположены по обеим сторонам реки Чуна, на протяженности ста тридцати километров. Глушь беспросветная - от границы с Красноярским краем в нижнем течении реки до Чунского района в верхнем. Сообщение только самолетом в то время маленьким двух или трёх-местным и по суше по зимнику - Екатерининскому тракту, по которому до г.Тайшета было двести шестьдесят верст. В общем забытый Богом уголок.

В каждой деревушке был организован колхозик с романтическим названием «Охотник», «Таёжник», «Партизан», которые влачили своё жалкое существование. Колхозники жили за счет рыбалки, охоты и ежегодно растаскивали до последнего зёрнышка урожай зерновых, переводимого за зиму на хлеб и самогонку. Весной же обозом отправлялись за семенным материалом в Тайшет. Жизнь текла размеренно и спокойно. Так шло из года в год.

В этих краях, насколько помнили старики, оседлых волков никогда не было. Волки были только проходные, судя по чётким отпечаткам следов по берегам реки, да и то редкие. То ли глубокие снега в зимнюю пору их не задерживали в этих местах, то ли отсутствие густой сети речек и ручьев с наледями, упрощающими им охоту на копытного зверя, но ни диких коз, ни волков наши края не привлекали.

Первые сигналы о появлении волков поступили от рабочих химлесхоза, живших на участке на добыче живицы на берегу озера Аян. Рыбача в дальнем заливе озера, они после постановки сетей вечером услышали недалёкий вой волка. Чуть позже к одному голосу постепенно стали добавляться ещё голоса и, в конце концов, волки задали такой жуткий концерт, что мужики быстрёхонько собрали в лодку пожитки отгреблись подальше от берега и на якорё провели ночь на воде, не сомкнув глаз.

По рассказам мужиков, волков было много.

После этого случая волки некоторое время не напоминали о себе, и вся история свелась к тому, что это проходные звери.

С наступлением заморозков в деревне стали теряться телята, а затем и взрослые бурёнки. Мужики забили тревогу.

Однажды старый охотник Каверзин Александр Емельянович с братом в речке Тяжеть городили заездок для ловли рыбы, и убежавшие по речке собаки - два кобеля - не вернулись к ним. Перед этим братья слышали вопль одного из кобелей, но не придали этому значения. Волчий террор начался.

Серые хищники активно передвигались по всей площади сельского Совета, и с каждым днём их «художества» обрастали всё более и более устрашающими слухами, иногда, конечно, не лишёнными и фантазии. Но от фактов не уйдёшь - волки обосновались здесь надолго.

Но вот выпали первые снега, по которым уже вычислить количество волков не составило труда - их было семь: вожак, крупный самец, старая волчица и пять прибылых. Логово было в районе озера Аян, где волчата родились и выросли, и откуда совершались первые набеги в дальние деревни. Логово, после перехода на кочевой образ жизни, волками посещалось редко.

Налёты волков отличались дерзостью и стремительностью. Они появлялись неожиданно, ночью, обычно под утро, и никогда не приходили к убитой жертве дважды. Наевшись, они немедленно скрывались и не подавали признаков своего существования по несколько дней. Затем неожиданно делали налет совсем в другом конце нашего региона. Попытка засад у недоеденной жертвы и слежки по следам к положительным результатам не привели. Наступило время начала промысла, и большинство охотников завезлось в тайгу. Мои уголья в ту пору находились по среднему течению речки Тяжеть, устье которой в Чуне находились против деревни Кондратьево, от моей тайги километрах в пятидесяти. Заботы по завозке нормально, и, обосновавшись в зимовье и производя необходимый ремонт и все другие хозработы, я через пару дней приступил к своей прямой таёжной работе.

Урожай на белку был средний, численность соболя не подтверждала ожидаемого в этом году пика численности, но настроение, как всегда, было приподнятое, и воображение рисовало добычливый сезон. У меня в то время с собой было две лайки: кобель Лапчик и сучка Сильва - собаки опытные и по зверю, и по мелочи, хорошо искали белку и гнали соболя.

На третий день промысла, обходя дальние свои уголья, я обнаружил, что собаки подхватили след соболя и угнались за ним в большой и довольно длинный к вершине Приисковый ручей. Дело было во второй половине дня, и я, не услышав собак, до темноты идя по тонному следу, решил вернуться в зимовье, заранее уверенный, что собаки мои вязкие по соболю и продержат зверька до утра, а утром пораньше убегу к ним.

Пришёл я уже в полной темноте и, растопив печку, развесив для просушки всю одежду и обувь, принялся обдирать добытых за день белок.

Ночью я два раза выходил на улицу и, напрягая слух, улавливал чуть доносившийся лай собак в тихой морозной ночи у загнанного соболя.

Под утро я проснулся от повизгивания собаки у дверей зимовья. Как только я открыл дверь, в избушку заскочил Лапчик - и сразу же под нары, глядя на меня с чувством вины и страха, не вильнув даже ни разу хвостом. Сильвы не было до утра.

Утром, быстро собравшись, я взял, как обычно, оружие, топор, котелок и продуктов на пару дней и, позвав кобеля, пошёл искать его след, чтобы по нему напрямик найти сучку.

- Вперед! - я несколько раз повторял собаке, думая, что кобель умчится по своему следу к месту, где осталась сучка, но Лапчик, убегая вперед метров на двадцать - тридцать, возвращался ко мне, настороженно поглядывая по сторонам, далеко не проявляя рвения и охотничьего азарта. Я забеспокоился и всю дорогу думал, что же могло произойти и так повлиять на поведение собаки.

Сколько я ни прислушивался, лая так и не услышал. Разгадка наступила на подходе к месту ожидаемой встречи с Сильвой. После встреченных первых волчьих следов мне стало ясно всё.

У высокой ели, куда собаки загнали соболя, снег был обгажен каплями крови во многих местах. Валялось несколько клочков рыжей сильвинской шерсти и самый кончик хвоста - больше абсолютно ничего, ни единой косточки.

Обойдя место трагедии, я постарался восстановить по следам произошедшее. Волки, уходя от очередного разбоя в Кондратьевке, по речке поднимались в глухую тайгу на отсидку. В вечернем морозном воздухе они далеко слышали звонкий лай собак. Рассыпавшись веером, они мчались к собакам, охватывая их полукругом. Каким-то образом Лапчик учуял или заметил хищников, но он сразу бросился наутёк - напрямую к спасательному жилью и хозяину. Сильва, из-за присущего ей азарта и злобности на зверька, этого не сделала, а когда поняла нависшую опасность, то было поздно, несмотря на то, что сучка была рослая и длинноногая, ей не удалось пробежать и двух или

трёх десятков метров, как со всех сторон она была охвачена и в прямом смысле слова разорвана на части, потому и кровь на снегу осталось на месте каждого из семи кусков, доставшихся при делёжке серым разбойникам.

Лапчика спасла не резвость его бега, а своевременность дезертирства и задержка стаи при расправе с сучкой. Волков было действительно семь, съев собаку, они немного отдохнули и ушли в сторону речки.

Походив ещё несколько дней, и видя, что Лапчик от пережитого испуга боится работать широким поиском, а всё крутится на виду, я за три дня насторожил путики капканами, добытыми до этого рябчиками, и тушками оставшихся белок, и вынужден был выйти из тайги, чтобы вернуться позже, продолжить промысел самоловами.

Вернувшись домой, узнал, что охотники все на промысле, а волки продолжают пакостить по деревням, воруя зазевавшихся собак или съедая отбившихся от табуна коней, жеребят, пасшихся на полях по ещё не оглубевшему снегу.

Прошло недели две, и я стал собираться в уголья проверить ловушки и поудить подо льдом хариусов, имея в этом деле уже некоторый опыт и зная ямы, где скапливается рыба на зимний период.

Снег к этому времени был уже подходящий, идти пешком убродно, и я решил уйти на лыжах - легких, удобных, подшитых камусом, и тем самым выигрывал во времени и пробивал дорогу на будущее.

Я вышел рано утром налегке, так как продукты в тайге были, с тозовкой на плече, намериваясь к вечеру добежать до места, ведь от поселка Новый, где я жил, до моих угодий было не более тридцати километров, а морозный день сопутствовал этому.

Пройдя километров десять, я обнаружил, что меня догнал Лапчик, каким-то образом сообразивший о моих намерениях. По пути видно было, что соболушки бегают, а белочка уже жила в кронах, редко спускаясь на пол и довольствуясь шишками. Кобель на ходу нашёл несколько белок, а бросившись несколько раз по следу соболя, через некоторое время возвращался, чувствуя, что по такому снегу соболя ему не догнать.

Не следующий день, как и было мной запланировано, я пошёл проверять путик, захватив тушки белок на приманки взамен съеденных соболями, если такое будет.

То, что я обнаружил на путике, меня огорчило и обозлило. Весь мой труд до этого был нулевым: все капканы были разорены... волками. Они опять прошли по речке, обошли все путики, съели приманки, опять обойдя зимовье стороной, и ушли, но я не смог проследить в какую сторону, а так как по пути в уголья не пересекал нигде волчьих следов, то они ушли другой стороной речки.

Капканы разорялись очень просто.

Подходили к ловушке всей стаей, след в след. Затем все садились и смотрели, как вожак ловко или подкапывал снег с безопасной стороны, или сбоку осторожно снимал приманку, обучая этой науке остальных. Был хлопнут

один единственный капкан. Это волк, подкапывая, задел за привязь. По следам было видно, как волки врассыпную кинулись от ловушки, но, видя, что тревога ложная, опять собрались вместе. Далее, по-моему, они все освоили свою безопасную технологию воровства приманок, и дело у них шло быстро.

Конечно, мне нужно было запустить все путики, так как моё дело дохлое при таких конкурентах.

«Почему они привязались ко мне?» - думал я и приходил к единому мнению, что через мою тайгу пролегал их отработанный путь ухода от совершенных в сторону Кондратьева набегов или наоборот.

Последний день работы по закрытию путиков совпадал со снегопадом. Было не холодно и, идя по путику, я часто вспугивал рябчиков, которые являются в тайге хорошими предвестниками ненастья - перед обильными снегопадами рябчики с хребтов спускаются к речкам и ручьям, заранее обеспечивая себе укрытие от непогоды в густой темнохвойной тайге.

В самом конце пушка я увидел, что на небольшом березовом колке расселся большой табун рябчиков, склевывающих березовые почки. Я осторожно снял тозовку, установил прицел и начал, не торопясь, стрелять, запоминая, куда они падают. Перед тем как стрелять, я убедился, что кобель лежит на лыжне, и погрозил ему на всякий случай, зная, что рябчиков он не гоняет.

Я стрелял с паузами, стараясь не вспугнуть осторожную птицу. Когда я просчитал «девять» убитых рябчиков, вдруг вся стая, со свойственным для рябчиков чириканьем в случае опасности, снялись и улетели прочь. Я не мог их вспугнуть, - удивился я и вдруг сквозь мелкую чащу за березняком в сумеречном свете пасмурного дня я увидел мелькнувшую тень. «Кобель.» - подумал я. Но за первой серой тенью проскочила ещё одна, ещё и ещё. Я оглянулся - кобель лежал и, прижав уши, смотрел в ту же сторону. Неужели волки?

Да, это были волки.

Перейдя речку на ту сторону, чтобы собрать убитых птиц, я увидел, что по чаще пробороздили мои старые знакомые. Лапчик не отходил от меня ни на шаг. Собрав рябчиков, я двинулся по уже готовой лыжне к жилью, довольный тем, что работа окончена, и завтра домой, а кобель -обеспокоенный появлением волков, которых он чуял.

Волки были голодны и кругами ходили вокруг нас, что было видно по свежим следам, которые мы пересекали. Они молча следили за каждым нашим шагом, надеясь отманить и съесть собаку или поймать, если она отстанет или убежит вперёд.

Это продолжалось до самого зимовья. А к вечеру начался концерт.

До речки от жилья было метров сто пятьдесят. Тропка шла через моховое болотце и упиралась в еловую чащу, растущую по самому берегу. С наступлением темноты волки устроились в этой чащичке, откуда им было видно всё как на ладони, и наблюдали за мной. Каждый звук, издаваемый со стороны зимовья, сопровождался жутким, многоголосым воем. Мне же ничего не было видно и, несмотря на то, что я несколько раз выстрелил из тозовки в сто-

рону волков, через небольшой промежуток концерт продолжался. Кобель лежал под нарами, прижав уши и поглядывая в страхе на меня. Он ни разу не вышел со мной на улицу.

К утру волки ушли, а я отправился домой с чувством досады о неудавшемся сезоне. Охотники возвращались с промысла, но ни один из них не жаловался на посещение волков.

Волки придерживались жилья. Когда кончилась блудливая дармовая животина, они принялись за собак. К Новому году снег был настолько глубокий, что в тайге волкам делать было нечего, и они обнаглели - по ночам делали набег на ту или иную деревню, а на день уходили по автомобильной дороге Новый - Полинчет и залегали в одном из глухих островков огромного болота, тянувшегося вдоль дороги. Несколько раз водители автомашин встречали на дороге эту стаю, но всегда волки, издали заметив или услышав автомашину, серыми тенями мигом скрывались во тьме, так как все переходы они делали ночью.

Каждый раз при встрече охотников только и новостей было - у кого ещё волки утащили собак. По подсчётам уже более полусотни собак погибли от волков и в основном добрые лайки, так как привозных собак здесь держать не разрешали во избежание нежелательных помесей.

Тактика у волчьей стаи была довольно проста. Под крутым берегом реки стая подкрадывалась к деревне, у дороги к речке часть стаи оставалась в засаде, вторая же часть стаи устраивалась в засаду по другую сторону дороги. Один волк, не торопясь, по дороге поднимался на берег и на виду у деревенских собак начинал кривляться: подпрыгивать, повизгивать, падать, ползать, лишь бы обратить на себя внимание собак. Собаки бросались к волку, а он делал вид, что хромает или не может от них убежать. Когда собаки почти добежали к волку, тогда на берег с обеих сторон выскакивала стая, отрезая собакам путь к отступлению, и наступала моментальная развязка, сопровождающаяся воплями жертв.

Пока деревенские собаки поднимали гвалт, и выскакивали мужики с ружьями, волки уже были далеко, и никто не мог сказать, когда это повторится. Единственное, что многие, видевшие стаю, заметили - это что у переднего огромного волка неестественно короткий хвост - то ли потерял кончик при драках в период гона, то ли отстрелен при очередном разбое.

Специалистов по волкам среди охотников особо не было, так как волки в этих краях были редкостью, но принимать меры было нужно, и однажды, на каком-то христианском празднике, когда к Михаилу Каверзину, а Каверзиных в сельсовете было восемьдесят процентов, прикатили братья - Петр, Иван и Афанасий, а сосед Михаила - Николай и я были приглашены на это гулянье, мы, набравшись за столом и заведя разговор о волках, разбойничавших в наших деревнях, разработали план их уничтожения.

План был не сложным, но требовалось дожидаться конца февраля-начала марта, когда снег осядет, уплотнится и свободно будет держать человека на лыжах. Как только будет обнаружен след ухода волков в болото на дневку -

сразу же устраиваем облаву. План был разработан до мельчайших подробностей. Автомашины ежедневно ходили в Полинчет, вывозя заготовленную живицу, а обратным рейсом производили досрочную завозку продуктов и материалов. Связь по рации осуществлялась по договоренности в любое время через меня (я в то время руководил участком «Новый»), так что мы сразу же могли получить сообщение о появлении стаи. Уже шёл февраль, и мы были готовы в любое время начать реализовывать свой план.

И вот в один прекрасный день, вернее ночь, волки, совершив разбойное нападение в Кондратьево, ушли в сторону Нового и на дороге были замечены Василием, водителем «Урала», когда свернули в болото к видневшемуся в полутора километрах от дороги островку, поросшему чахлым березняком и густыми зарослями багульника. Это было километрах в двадцати от участка «Новый». Машина пришла рано утром, и через два часа наш отряд был готов к выступлению. Руководил всем парадом Михаил, самый старший и самый опытный из нас, проживший здесь всю жизнь и знающий досконально местность.

Решено было ехать на машине, на месте оставить всё лишнее и, налегке, сориентировавшись на местности и проводя правильную расстановку сил, начать облаву. Водитель оставался нас ждать и смотреть, чтобы не упустить прорвавшегося из оцепления волка, и если такое произойдёт, постараться задавить его машиной.

Я с Иваном ушёл по дороге влево от видневшегося вдалеке острова, чтобы его обойти с тыла, Петр и Николай вправо - с той же целью, Михаил и Афанасий пошли вперед к острову, от дороги. Сначала все шли вместе один за другим, а затем разошлись по одному с интервалом, позволяющим стрелять в любую сторону, не представляя опасности друг другу.

Охватив остров с двух сторон и убедившись, что волки с острова ушли, мы, то есть я, Иван, Петр и Николай разошлись на положенный интервал, охватывая остров полукольцом, и после моего выстрела, как сигнала к началу атаки, рванулись к острову.

Волки нас обнаружили раньше, чем мы думали, и зарыскали по острову, выбирая безопасную зону, но со всех сторон к ним неслись люди. Волки, видя, что чем ближе мы подходим к острову, тем интервал между нами сокращается и, видимо, почувствовав смертельную опасность, бросились с острова врассыпную в разные стороны, не дав нам возможности сойтись на расстояние двух выстрелов между нами.

Лыжи хорошо поднимали, и я видел, что все довольно быстро бегут к острову. Ближе всего волкам бежать к дороге и в правую сторону к лесу, росшему у края болота. Сначала они шли прыжками, оставляя глубокие ямы после своих прыжков, но на второй, а может, и третьей сотне метров, в пылу погони трудно учесть, прыжки стали медленнее и короче.

Первого волка убил Николай, загнавший его до такой степени, что тот, загнанный вконец, остановился, повернулся к преследователю и, вздыбив шерсть на загривке, защелкал зубами, давая понять, что он ещё опасен, но тут

же был сражён. Второго прикончил Иван, прогнав его метров триста. Третьего убил Петр, достав его картечью метров за семьдесят. Выстрелы раздавались и со стороны Михаила и Афанасия, затем стрельба прекратилась. Далеко на дороге гудела автомашина. Мне не повезло, так как в мою сторону, как в бесперспективную из-за отсутствия возможности спасения - и лес, и дорога были в другой стороне - ни один волк не пошёл.

Когда стащили добытых волков, произвели разборку полётов. Михаил добыл старую волчицу и молодого самца, кинувшегося к матери после неудачного выстрела Афанасия. Но Афанасий успел добыть ещё одного молодого, почти добежавшего до дороги. А старый волк, прорвавшись между Иваном и Афанасием, доскакал до дороги далеко позади машины, и пока Василий разворачивался на своем «Урале», добрался до леса и скрылся с глаз.

Мы разглядывали шестерых, из семи, убитых разбойников, и, достав из котомок захваченную снедь и спиртное, приступили к обмену впечатлениями, забыв про усталость и крепнувший мороз наступающей зимней ночи.

Так кончился террор волчьей стаи, принесший много бед во многие дворы нашего сельского Совета.

В тот же год, осенью, по чернотропу выскочив в начале октября погонять сохачей, собаки мне поставили сохатёнка, почему-то одного. Когда я его скрадывал и готовился стрелять, так как собаки от него не отстанут, то вдруг разглядел, что это не сохатенок, а огромный волк. Собаки по очереди щипали его зад, когда он, не торопясь, поворачивался всем телом от одной к другой. Вокруг всё было в клочьях пуха и смотрелось, как выпавший крупными хлопьями снег.

Волк вёл себя удивительно спокойно, но я этому спокойствию не верил. Я не мог стрелять из-за круживших возле него собак. Но вот волк как бы очнулся и бросился на кобеля. Собака кинулась в мою сторону, так как знала, откуда я крадусь. Собака бежала во всю прыть, а волк спокойно уже догонял её, не проявляя, казалось, никаких усилий. Когда кобель подбегал к тому месту, где я затаился, я в упор выстрелил в серого разбойника.

Собаки долго вымещали свою злость на убитом волке, устилая землю выданным пухом.

Волк был очень крупный и жирный. По крайней мере, у меня не хватало сил подвесить его за ноги, чтобы ободрать. Закончив обдирать зверя, я вдруг обратил внимание на его укороченный хвост, конец которого то ли потерял при драках в период гона, то ли отстрелян при очередном разбое.

Так вот почему я его принял за сохатёнка. Ведь это старый знакомый разбойник - вожак стаи серых теней!

Медведь в рябиннике

Дело было в первых числах октября. Сезон добычи живицы подходил к концу. Большинство рабочих уже собрали и сдали собранную продукцию, и выехали на центральную усадьбу, чтобы получить расчет и ехать домой, на

Украину, откуда большая часть из них приехала в Сибирь на заработки на подсочку (добычу живицы). Большой дом - временка, так называемое общежитие в лесу - опустел. Оставалось дособирать живицу на двух участках. На этих участках трудились самые жадные до работы, сборщицы - хохлушки - Лида и Софья (по-украински Зося). Они уговорили мастера оставить их, чтобы побольше заработать. Кроме этих двух сборщиц в лесу оставался возчик - Николай Гвоздев, который возил на коне, запряженный в телегу, бочки с живицей на временку, на центральный склад, оттуда потом по зимней дороге вся эта продукция на машинах вывозилась на железную дорогу и отгружалась на завод.

Я раньше работал мастером на этом участке, а после назначения меня директором химлесхоза стал работать Слава Новичков, мой хороший друг и напарник по охоте и рыбалке, на несколько дней выехал в поселок за продуктами и по производственным делам. Он жил в поселке Новый, а я - в Полинчете, в 50 километрах от Нового. Связь была по радию, как с участками, так и с поселками.

Итак, на временке мастерского участка Таежный в то время оставалось три человека: возчик и две сборщицы - молодые женщины по 25-30 лет. Работы оставалось на пять-семь дней. Неожиданно выпал снег, глубиной 20-25 см, что усложнило работу. Стояло тепло. Приехав на участок, Слава обнаружил сидящих в обнимку на койке сборщиц и воющих во весь голос. С ними невозможно было разговаривать из-за рёва... Дождавшись Николая, ходившего в очередной раз с грузом, узнал о том, что, уйдя на работу, сборщицы через час примчались с криком, что больше в лес не пойдут, так как там ходит большой зверь, наверное, медведь.

Я убеждал их, что это просто большой бурундук, - рассказывал Николай, - но они и слушать не ходят и орут, что везите нас отсюда в поселок. Собак у Славы и на временке не было. Он, взяв ружье (двустволку 16 калибра), пошел на участок проверить, что за зверь там бродит.

Тот год запомнился всем неподдающимся описанию урожаем рябины, по всей тайге, по всем борам, где росла рябина, краснели её деревья и поросли. Редко такое увидишь... Проходя по краю рабочих участков с несобранной живицей, Слава увидел наброды медведя и круглые лужи его помёта, с непеваренной рябиной.

После прохода по участку до него дошло, что нужно срочно что-то делать, иначе он останется невыбранным, а наряды на сборку уже были сданы на оплату работ, гарантированных сборщицами. Успокоив их, что это маленький медвежонок, который, услышав, что тут работают люди, сам убежит отсюда, Слава посоветовал работать там, где медведь не ходит, но Лида и Зося махали руками и были ещё пуще.

Утром следующего дня Слава вышел на связь со мной, ознакомил меня с создавшейся ситуацией и попросил приехать с собаками, чтобы убить медведя, если удастся, чтобы сборщицы могли спокойно добрать участки и завершить вывозку на склад продукции.

Я уже готовился в отпуск, чтобы идти на промысел в тайгу, но пришлось выехать на помощь. В то время у меня было три отличных лайки - кобель Капсюль и две сучки - Летка и Веска, правда последняя на медведя не была испытана. Быстро собравшись, я в тот же день выехал на грузовой машине на участок. Из оружия у меня было: ружьё 16 калибра, двустволка и немалый опыт таёжного промысла, в том числе и на медведя.

До участка, до которого было порядка 80 километров, мы добрались к вечеру. Собак посадили на привязь и вместе с мужиками загрузили машину бочками с живицей. Между делом я расспросил подробно где, когда Слава нашел следы, крупный ли медведь, откуда приходил, далеко ли от места глухая тайга, чтобы составить правильный план охоты. Сборщицы и Николай остались сидеть дома, боялись, а мы со Славой решили обойти место, где медведь обосновался. Я хорошо знал эти места, так как работал на этом участке не один год.

Утро выдалось пасмурным, был небольшой мороз, а за ночь чуть припорошил снег.

Пройдя километра два, мы вышли на границу рабочего, участка и начинающейся глухой тайги, отпустили собак, которых до этого вели на поводке. Там, где были выходы медведя на рябинник, рос крупный осинник, по нему краснели кустики рябин.

В одном месте в осинник вдавался клин тайги, я решил дойти до него, так как медведь, убегая от собак, будет стремиться быстрее добежать до тайги, где ему легче отбиваться от них.

Мои предположения полностью оправдались. Кое-где уже начали встречаться припорошенные снегом следы зверя. Приглядевшись к следам, я определил, что набродил далеко не медвежонок. Когда мы подошли к тайге, обратили внимание на красоту леса после снегопада. Огромные голые осины, вперемежку с редкими кустиками ольховника и ярко-красные рябины, и кое-где невысокие черные елки с припорошенными кухтой лапами, и всё это в контрасте с белоснежным, режущим глаза, белым покрывалом, укрывшим землю.

Но не успел я налюбоваться этой красотой, как в глубине осинового бора послышался злобный лай собак. Прислушавшись, я понял, что нашли зверя. Ещё не добежав до вершины таёжки, вдавшейся в осинник, я издали увидел мелькнувшего вдалеке, метрах в 300, медведя.

- Слава, я видел медведя, он небольшой, по-моему, медвежонок. Он обязательно будет стараться скорей добраться до этой таёжки. Видишь, две толстых осины — становись за них, а я впереди, чуть в стороне встану, вон за той толстой осиной. Медведь нас не минет. Когда зверь будет близко, взведи курки. Я стреляю первым, ты сразу же за мной. Держи медведя на мушке. В голову не стреляй - можешь промазать, только в область груди.

Тут началось самое интересное. Было прекрасно видно, как медведь на скаку резко останавливался и мигом, как молния, бросался на собак, которые сзади догоняли его и пытались схватить за зад, но каждый раз зверь резко

разворачивался и бросался то на Летку, то на Капсюля, едва успевающих отскакивать от него. А как только медведь попытался бежать дальше, они висли у него на ногах. Но почему только две собаки? Где же Белка? Но в тот момент уже было не до неё. Всё решали секунды. Медведь уже летел к месту нашей засады. Впереди передо мной стояла ещё одна толстенная осина, и когда медведь подлетел к ней и обернулся, отбиваясь от собак, то ствол осины закрыл от меня его всю переднюю часть, а Славе я запретил стрелять первым. Медведь прыгнул на озверело лаявшего Капсюля и выставил переднюю часть туши. Два выстрела прогремели почти одновременно. Медведь упал на передние лапы, затем начал привставать, но мой выстрел по переду уложил его, а Слава не успел больше стрельнуть, так как на звере уже были собаки, которые рвали его, вымещая на нем злобу и демонстрируя преданность хозяину.

Наступила тишина, и тут мы услышали то ли лай, то ли вой с подвыванием и увидели в метрах в 150 от нас в высоком заломе, из нескольких упавших осин, Белку, которая, поджав хвост так, что конец его выглядывал между передних ног, орала и выла не хуже, а даже намного громче и ужаснее тех хохлушек, что остались на времянке. Белка даже не подходила к нам, когда мы, дав вдоволь собакам выместить зло на медведе, ободрали и разделали его. Передохнув, я пошел к Белке, взял её на руки, принёс к туше, и мы со Славой пытались завернуть её в шкуру убитого медведя, чтобы дать понять, что зверь уже убит и нечего его бояться. Она укусила меня и Славу и с ревом и воем убежала на времянку.

К вечеру мы вернулись к жилью, а на следующий день с Николаем поехали вывозить мясо. Я впереди показывал дорогу, где легче проехать, Слава прорубал, где нужно, чашу, Николай вёл запряженного в телегу коня, Белка с нами не пошла. Не доезжая до убитого медведя, я услышал ожесточенный лай Капсюля и Летки, но это был другой лай. Мне пришлось оставить ребят, сказав, чтобы грузили мясо и ждали меня, а сам помчался к собакам. Собаки лаяли на сохатого с очень красивыми рогами. Пришлось ещё задержаться на день, прибрать и вывести на времянку всё мясо, чистого мяса в медведе было 120 кг, хотя он был худой. Слава понял, что это не медвежонок. А когда на времянке расстелил шкуру убитого зверя, то Лида и Зося чуть не попадали в обморок, сказав, что больше никогда в Сибирь не приедут.

Дав наказ Славе ходить со сборщицами в лес ежедневно на работу и охранять их, пока не закончат сборку, я на следующий день вызвал машину и, забрав Капсюля и Летку, а также долю мяса, уехал домой готовиться в тайгу.

Вот такая произошла история в рябиннике.

За стерлядями (Плата за страх).

Чуна (Уда) - это речка – мать, кормилица многих поколений людей- аборигенов и пришлых, очарованных необъятными просторами и богатствами Сибири и навсегда связавших судьбу с ней, несмотря на суровый климат и

лишения, связанные с обеспечением жизнедеятельности, требующие мужества, отваги и величайшего трудолюбия.

Река Чуна богата рыбными запасами, такими как: елец, хариус, ленок, таймень, окунь, сорога, пескарь, линь и др. Особенность же Чуны в том, что она является многовековым инкубатором рыб осетровых пород - осетров и стерлядей. Осетров было мало, но стерлядь облюбовала эту реку с глубокими ямами, скалистыми, обрывистыми берегами и дном, богатой кормовой базой и фактором покоя, из-за редкого в ту пору населения для своей зимовки и нереста. Эта древнейшая рыба мечет икру раз в три года, начинает метать икру на шестом году жизни, когда достигает веса 16 килограммов.

В тот период в Чуне, также, как и в Бирюсе, этой рыбы было изобилие. Вылов стерляди в то время, время примитивных способов передвижения и методов добычи не отражался на запасах этой породы рыб. Ведь добывалась она только для собственных нужд - разумно и умеренно. Заготконтора принимала стерлядь от рыбаков по одному рублю за килограмм, что не оправдывало риска и трудностей процесса её добычи. Этим рассказом я хочу дать вам представление об огромных запасах стерляди в этой реке, уникальности мест её нерестилищ и трудностях промысла. Это было 40 лет назад.

Как красива и необъятна наша Сибирь! Остро чувствуешь это, когда смотришь на раскинувшиеся лесные просторы от горизонта до горизонта с высоты птичьего полета, что ни раз мне приходилось делать по роду моей деятельности, особенно в осенний период.

Осень в тот год выдалась, как говорят в народе, золотой. Лес «цвел» всеми цветами радуги, в зависимости от породы деревьев - от ярко-желтого до ярко-красного со всеми переживаниями и оттенками. Осталась неизменно строгой и темно-зеленой лишь хвойная тайга. Лиственницы тоже пожелтели от зависти к осиннику и березняку в их осеннем наряде.

Начало сентября. Появились первые льдинки на тальнике, окунувшим свои ветви в холодные струи реки. Именно в этот период стерлядь сбивается в крупные стаи и уходит на зимние глубокие скалистые ямы, в самые потаенные места, откуда только на закате солнца выходит на мелководье покормиться, поиграть на закате уходящего солнца. С наступлением морозов и ледостава залегает на зимовку, стоящей на глубину плотной массой, выдавая себя только еле видимым движением плавников и жабр.

В период до ледостава начинается лов стерляди. Каждую осень в начале сентября аборигены (местные старожилы), кто способен на риск и лишения, имеющие механические средства передвижения отправляются на промысел стерляди. Кто не имеет ни того, ни другого, караулят стерлядь на ближайших ямах, где она останавливается на пути к зимовым местам.

Добавлю, что в то далекое время никто никого не преследовал за лов рыбы для собственных нужд - независимо от её ценности. Рыбнадзора в то время в нашем регионе не было, да разве можно было преследовать человека за то, что он своим трудом, с риском, мужеством, физическими перегрузками добывает для семьи средства к существованию, получая мизерную плату от

государства за свой титанический труд по освоению Сибири и её богатств, принося колоссальные прибыли стране.

Я в то время работал начальником участка «Новый» подсобного производства. Вникал в быт и условия проживания местных жителей и, конечно же, был охотником и азартным рыбаком. Несмотря на большую производственную нагрузку по завершении сезонных работ, при встрече с директором я отпросился на 10 дней на промысел стерляди.

Он возражений не имел, тем более, что я пообещал, что дела на производстве будут идти нормально и пообещал отблагодарить за его доброту.

Мы с моим соседом, цыганом Василием Сайченко, прекрасным охотником и рыбаком, склонившим меня на эту авантюру, имеющим долбленную лодку 7 метров длиной и лодочный мотор «Москва» (в то время самый престижный), приступили к сборам.

Наши две семьи вместе с нами в то время составляли 14 человек, нам сам Бог велел где-то что-то добывать. Самоловные снасти на стерлядь он имел. Сборы были недолги, но тщательно продуманы заранее. Нас провожали многочисленные моё и его семейства. После соблюдения всех положенных на удачу и все остальное ритуалов мы, без проявления лишних эмоций, оттолкнулись от берега, взяли курс вверх по Чуне. Путь и испытания, ожидающие нас, мы хорошо знали, ещё до отъезда все оговорили. Мы надеялись друг на друга и готовы были все лишения и тяготы делить поровну, по-братски - таков закон артели. Путь предстоял неблизкий - нужно было преодолеть три порога, которые исторически хранят тайну большого числа гибели преодолевающих их - любителей риска и приключений, и достичь мест нерестилищ и зимовки стерляди где-то 80-100 км.

До первого порога Орон (русские его называют «Ворон», а с тунгусского он переводится как «быстрый олень») мы дошли засветло, хотя и выехали из дома после полудня. Подниматься на порог не стали, так как лодка была сильно нагружена, да и не было необходимости. Устроив ночлег, Василий лег отдыхать, перед этим проверил двигатель на оборотах, свечи, запуск и равномерность баланса расположения груза.

Разговаривать было трудно, мешал рев порога. Я пришел посмотреть на эту неудержимую, мощную стихию воды. Мне стало страшно - неужели мы преодолеем его в нашей лодке со всем грузом и с таким мотором, как «Москва»?

С верой на благополучный исход я ушел на табор. Утро выдалось тихим, поднялся туман, уходя вверх и предсказывая хорошую, ясную, солнечную погоду. Упал иней. Я проснулся, но не от холода, а от шороха, который напоминал мне что угодно, но только не то, что я когда-либо в жизни я слышал. Мне показалось, что где-то работает маленький механизм по обработке, чего я не мог понять. Как будто сотни маленьких резцов что-то обрабатывают на фабрике огранки или очистки мелких деталей. Что это за шорох? Несмотря на туман, я приподнялся и прислушался. И что же я увидел? Берег речки, недосыгаемый ледоходом, густо был усеян плодоносящей черемухой.

Урожай в том году был исключительно богатый... Я увидел бурундуков, которые стремительно залазили на черемуховые кусты, добирались до ягод и проворно обрабатывали каждую ягодку, пряча мякоть в защечные мешки, а косточки летели вниз, как отработка. Набив щеки мякотью, бурундуки бежали прятать мякоть на зимние запасы, а их место неслись следующие и следующие. Был такой шорох от царапанья зубами при снятии мякоти, что было похоже на работу фабрики. Бурундуков было так много, что я подумал: «Вот бы наше сельское хозяйство так умело и организованно работало».

Я пришел в изумление: по всему берегу черемушник был облеплен бурундуками. Они не обращали на меня никакого внимания, были заняты делом, дающим им благополучную зимовку. Вот это система! Жаль, но больше я такого не видел никогда. Наверное, потому, что не ночью в таких местах.

Чай выпит. Пора в путь!

- Василий! Может, мне по берегу пройти порог, ведь груз большой, а порог бурный.

- Ту со! Переяч! - сказал Василий, что по-цыгански: «Ты что! Замолчи!».

Раз все пополам, значит, пополам.

Лодка, направляемая Василием, оторвалась от берега и, пересекая крупные волны, пошла к воротам порога, чем ближе к яме, тем больше вал. Груз большой, хорошо, что лодка длинная, легче резать валы, а их, самых больших, три. Молчим, оба смотрим вперед. Василий - не новичок плавать по порогам и рыбачить, но опасность отражается и в его лице, и на поведении.

Преодолеть пороги не просто не только в такой скорлупе, как у нас, но и на катерах и «Казанках» и других маломерных судах, обеспеченных непотопляемостью. Все регулируется газом, оборотами двигателя, что нужно уметь...

Первый порог мы прошли благополучно, вышли на чистую зеркальную гладь реки.

- Прошли нормально - говорит цыган.

Причалили. Пьем чай. Рассуждаем, впереди ещё два порога - Екунчетский и Ханянгин. Второй опасен тем, что в нем три ступени, каждая на расстоянии полкилометра друг от друга и с крутыми поворотами.

Слышим звук мотора, даже двух. Идут две лодки, хорошо груженные. Свои полинчетские рыбаки.

- Здорово, мужики!

- Привет.

- Как рыбалка?

- Нормально!

- Рыбы много. - Да и без этого было видно, что из покрытых брезентом лодок по бокам висят стерляжьих хвосты.

- Как прошли пороги? В каких ямах рыбачили?

- У Чулея. Рыба есть, но Чулей за пределами нашего Тайшетского района. Приезжал какой-то тип и сказал, что уматывайте в свой район - здесь вам де-

лать нечего. Вот мы и подались, но мы уже наловили вдоволь. Так что смотрите, могут вас попереть оттуда.

Попив с нами чай, рыбаки подались вниз, а нам - в обратную сторону. До второго порога прошли благополучно и преодолели его без приключений, хотя и особого удовольствия не испытали. Остался последний и самый коварный - Ханянгин. Как говорится, путь преодолеет вперед идущий. Мы тронулись в путь, время нас уже поджимало. Третий порог недалеко уже, хорошо слышен его шум и вдалеке видны валы.

Погода прекрасная, стоит золотая осень. Тепло, но перед порогом по спине - мороз.

По всей ширине реки на порог можно подняться в одном только месте. В нем есть острые камни, выступающие до поверхности, но скрытые водой. Поэтому порог может пройти человек, хорошо знающий эти проходы, иначе - печальный исход: винт задевает камень, срезается шпонка, лодку моментально опрокидывает и все самолёвы, а у нас 4, это 500уд, острых, как игла, с поплавками, наплывают на тебя, и ты утопленник. Это стопроцентно.

Подходим к самому страшному залавку Ханянгина. Василий нацеливается на «ворота». Стремнина сумасшедшая, груз большой... Лишь бы не задеть камень! Тогда конец! Входим в проход, лодка по сантиметрам лезет вверх на вал и, вдруг, замирает. Нет, мотор работает, просто силы мотора не хватает преодолеть течение из-за большого груза. Вода стремительно летит за бортом, а лодка на месте. Чтобы определить движение лодки, нужно смотреть на береговой ориентир, а он стоит. Мотор ревет, а хода нет. В мыслях все самое худшее. Брызги летят в лицо. Не свожу взгляда с ящиков с удами. Конец! Но вот лодка сдвинулась, через борт от вала течет вода. Все самолёвы в носу лодки. Страшно подумать, что все это оденется на тебя. Мы молчим. Оглядываюсь на Василия. Вижу, что он стал «русским», настолько побелел в этот страшный миг. Почему-то в голову приходит глупая мысль: «Смерть подождет!». Василий тихо поворачивает нос лодки то в одну, то в другую сторону, ища слабые струи. Наконец, мы перешли экватор сопротивления, и лодка по сантиметрам полезла вперед. Вода перестала литься через борт. Немного! Ещё немного! Да! Есть Бог на свете! Мы поползли вверх, преодолели последний вал и вышли на гладь. Это просто чудо! Это судьба! Две последние ступени Ханянгина мы преодолели без особых трудностей, причалили к месту назначения - избушке в устье речки Юрохта, где цыган и раньше бывал, и охотился (жил он раньше с семьей в деревне Березово, от этого места 20-30 км). Мы разгрузились, подкрепились и до вечера решили отдохнуть, чтобы потом съездить на закате в разведку в поисках скопления стерлядей, за чем и ехали в такую даль, преодолевая столько трудностей.

Поев, что дали жены, и отдохнув, мы на моторке ушли вверх километров на 5-8 искать рыбу. Предварительно набрали на доски с каждой стороны лодки самолёвы со всеми дополнительными снастями-приспособлениями для быстрой их установки на месте обнаружения, скопления рыбы. Процесс этот довольно сложный. Старики, промышлявшие самолёвами, знают и помнят,

что в самолове имеется хребтина, на которой до 120 самодельных больших крючков с поплавками, две якорницы с якорями, держащими самоллов поперек течения, и наплавница с наплавом, указывающая, где поставлен самоллов. Ставить самоллов - дело техники. Кто на веслах - вдоль или поперек, а кто на моторе, то только поперек даже на сливе в порог, где скрывается стерлядь, но это связано с большим риском. Где только черт не носит нашу русскую забубенную душу! Мотор выключен, наступает тишина, покой, даже не верится, что недавно ревел порог, надрывался мотор с хриплым звуком от перегрузки, тащивший нас в этот рай. Какое блаженство сидеть в лодке и не думать, куда и зачем несет тебя река в золотых лучах заходящего солнца. Видеть по берегам разноцветье осенних нарядов нашей сибирской природы. Тишина и покой, но напряжены – слушаем, где рыба.

Проплыли одну яму, другую, ни один всплеск не нарушил покой речной глади. И вдруг резкий всплеск, другой, третий... И вода закипела впереди от нас у очередной ямы от выпрыгивающих и ныряющих в воду огромных рыб. Мы тихонько подплываем к яме, где стоит стерлядь - цель нашего похода. Последние лучи солнца озаряют уже только вершины деревьев, а яма все сильней и сильней закипает от играющей рыбы. Не каждому дано воочию увидеть это редчайшее явление - вода бурлит и кипит от выпрыгивающих, как дельфины, рыб. Не размерами, а техникой прыжков, напоминающих их. Это просто фантастика!

- Рыба стоит здесь - говорит Василий, - Проплывем ниже ямы и поставим самоллов. Второй поставим выше ямы, чтобы иметь гарантию. Туда рыба плавает кормиться ночью. Нужно отплыть на такое расстояние, чтобы рыбу не испугать, иначе она поднимется со дна и уйдет.

Да, действительно, напуганная стерлядь может уйти с места, где её потревожат, на расстояние до 200 километров за сутки. Это научно доказано. Вот такая это рыба.

Мы встали ниже ямы метров на пятьсот, которая тянулась около километра, быстро приготовились к постановке самоллова, пока было светло. Я проверил всю готовность и доложил цыгану.

- Хорошо! - ответил он. - Вперед!

Взревел заведенный мотор. Все остальное зависело от четкой работы с моей стороны.

Василий заметил за рекой ориентир с учетом сноса течением и стал держаться прямо на него, чуть выше по течению, чтобы самоллов лег четко на дно поперек русла реки. Чем быстрее течение (во избежание погрешности в сносе), тем больше добавляется скорость лодки и больше риска, но так должно быть. Взяв точный курс и, отъехав от берега за 50 метров, последовала команда:

- Пошел!

Первый якорь, сваренных из железных, толстых прутьев с поперечин на главной стойке, чтобы держать острие якоря перпендикулярно к грунту для скорейшей зацепки за дно, полетел за борт. Из моих рук, обжигая ладони, ле-

тят за борт якорница, веревка, связывающая якорь с основной снастью - хребтиной, на которой на поводках, четко уложенные на доске 120 острейших крючьев и грузила, заставляющие снасть лежать на дне.

После схода якорницы начали со свистом улетать в реку уды с поплавками и уходить на дно, благодаря грузилам на основной бичеве. Зрелище фантастическое, но далеко не безопасное. Рядом с рулящим всегда должен быть под рукой нож, ведь в случае какой-либо зацепки уды прыгнут пучком и захватят его. Нужно мигом успеть обрезать поводки, иначе самоллов утащит самого в реку безвозвратно.

За все время добычи стерлядей, а я прожил в той местности почти 20 лет, я теперь имею памятных шрамов полный комплект от допущенных мной ошибок при этом рискованном промысле...

Уды со свистом улетели в реку, мне осталось только натянуть силой мотора якорницу с якорем, уже со вторым и бросить за борт наплав, то есть поплавок, привязанный бичевой к концу основной снасти.

Таким же образом был поставлен второй самоллов, выше ямы и почти в наступившей темноте. Причалив к берегу и наскоро вскипятив и попив чай, мы, как это и должно быть, по правилам рыбацкого дела, должны были проверить самолловы на предмет их правильной установки.

К проверке самолловов приступили через 2 часа. Эта работа намного тяжелей. На носу лодки вбит крюк, на который цепляем самоллов, чтобы снять или поправить снасть. Лежа грудью на самом носу лодки проводишь все эти операции, снимая и бросая пойманную рыбу за спину в лодку (иногда мимо) и поправляя поплавки на крючьях. После проверки в лодке было 93 стерляди. В Чуну заходит половозрелая стерлядь, ведь она приходит нереститься и вес её от 2 до 12 кг каждая. А вообще она достигает веса 16 кг, но такой мне ловить не приходилось. Радости не было, так как Василий сказал, что много рыбы сразу попадается, когда её испугали. Рыба уйдет...

Начало было положено.

Добравшись до зимовья в кромешной тьме (благо цыган прекрасно знал эти места), мы, не раздеваясь, упали и отключились до утра. Утро выдалось холодным и туманным. Наскоро вскипятив чай и поев стерляжьей икры из вспоротой крупной (килограмм на 8) стерляди и подсоленной на скорую руку, мы отправились к самолловам, чтобы их снять. По прогнозу Василия, рыба ушла в другое место. Нужно было перебраться, выточить уды и перебазироваться в другое место в поисках рыбы. Не успели мы свернуть работы, как сверху загудел мотор, и минут через пять к нам подъехали два мужика, судя по выражению лиц которых, не с благими намерениями. Поздоровались, закурили.

- Так вот, - заявил один из них, - я бригадир бригады, которая в этих местах добывают рыбу от Райпотребсоюза для нужд Чунского района, а вы промышляете в нашем районе, сворачивайтесь и уматывайте по добру в свои уголья...

Наш Тайшетский район по неписанным законам, без указания официальной границы начинался за порогом Ханянгин. Это лишало нас права промыслять в самых уловистых ямах выше порога.

Мы беспрекословно подчинились, выбрали самоловы, в которых действительно, как сказал цыган, рыбы почти не было. Что делать? Вернувшись к зимовью, занялись засолкой добытой рыбы, разборкой самоловов, заточкой уд (крючков), погрузкой всего скарба. Затем сели и задумались. Спускать порог не было желания, там всего одна - две ямы, где может быть рыба. А здесь, до порога ещё несколько ям, непроверенных нами.

- Вот что, - сказал Василий, - Давай спустимся до ручья Чулей, он недалеко отсюда, хотя тоже на территории Чунского района и там ещё пару ночей прорыбачим. Может быть, эти друзья больше не приедут, а выгонят - поедem домой.

Так и порешили.

Чулей - ручей с чистой прозрачной водой, довольно глубокий - метра полтора, с илистым дном и крутыми берегами. Зимовья на устье не было, но зато стояло недалеко от берега палатка. Ни одна душа нас не встретила. Разгрузившись, стаскав ящики с засоленной рыбой в чашу и приготовив некорыстный табор, приготовились готовить обед из свежей стерляди. До вечера было еще далеко и мы, вдоволь наевшись, улеглись спать до захода солнца, чтобы опять начать все сначала: разводка, постановка самоловов, проверка на качество проделанной работы и т.д. Ладони рук страшно болели и опухли: ведь стерлядь покрыта снаружи по хребту и бокам острыми шипами, а вся тушка рыбы, вдобавок, покрыта ядовитой защитной слизью. Когда снимаешь с уд рыбу, обязательно обрезаешься о шипы, накалываешься на уды и слизь настолько разъедает раны, что после промысла, особенно если много добываешь рыбы, ладони рук становятся, как маленькие подушки, и невозможно даже сжать кулак, так это болезненно. После рыбалки ещё много нужно времени, чтобы руки пришли в норму...

Мы не услышали, когда пришли хозяева палатки. Спасибо им, они не стали нас будить. Меня разбудил какой-то странный счет, хотя и негромкий, но четкий по звуку и грустный по интонации. Я не двигался, слушал дальше. Равномерно кто-то считал «раз, два, три»... Внезапно счет прекратился, из палатки вылезли четверо молодых людей. То, что они молодые, я смог определить по их голосам и легкости движений.

На первый взгляд трудно было определить, кто они? Оборванные, обросшие, лица, опухшие от комаров, худые, на ногах подошвы от сапог, подвязанные веревочками, худые, изможденные - чисто бухенвальдцы.

- Привет! - сказал я, - Откуда такой «партизанский отряд» без опознавательных знаков в нашем районе? Давайте знакомиться.

Они подошли ко мне, представились: «Мы из лесоустроительной экспедиции. Заканчиваем свою работу. За нами должны скоро прилететь. Работы у нас осталось немного. У нас кончаются продукты, ни оружия, ни снастей у нас нет, да и некогда - мы торопимся завершить работу.

- А что вы считали в палатке?
- Остатки съестных припасов: рис - четыре горсти, порох - две, сухарей - семь штук...
- Ну, молодцы, - сказал я, - А если вертолет не прилетит за вами еще дней 10, что будете делать?
- Не знаем. Будем как-то выбираться, сообщить мы не можем - связи у нас нет.

Цыган проснулся и тоже слушал наш разговор.

Один экспедишник, сходяв на берег по воду и увидел в лодке свежих стерлядей, подошел к нам и, долго мямлившись из скромности, тихо спросил:

- Может, вы продадите нам одну или две рыбки?
- Одну, может, и продадим - вмешался цыган, - а вот на счет двух - надо подумать. - и мы вместе расхохотались.
- Берите, ребята, рыбы, сколько хотите. У нас есть хлеб, картошка, в общем все. Не стесняйтесь - будем вместе выживать. Но у нас к вам условие: мы возвращаемся поздно ночью с проверки ловушек, так что ухи варите целое ведро с учетом нас. Рыбы не жалейте.

Вечером мы отправились на разведку с готовыми и набранными самолетами на случай обнаружения рыбы. Рыбу обнаружили около километра от Чулия выше по реке. Яма была большая и глубокая и кипела от стерляди на закате солнца. Осторожно, пройдя вниз до конца и от нее ещё метров 300, мы завели мотор и бросили первый самолет. Затем на моторе ушли на другую сторону реки, заехали с полкилометра выше ямы и бросили второй самолет. Причалив к берегу, почаявали, отдохнули и без мотора тихо сплыли, поймали кошкой самолет и пробежали по нему. Затем через яму проплыли самосплавом, восхищаясь кипящей от рыбы водой, и таким же образом проверили второй самолет. С полсотни стерлядей попало.

-Всё нормально, - сказал Василий. -Рыба есть, завтра славно должно попасть, лишь бы нас отсюда не выгнали, как с Юрохты, район - то чужой.

Пока мы плыли к табору, я все думал, как выкрутиться из создавшегося положения ... и придумал.

Ребята - экспедишники нас ждали. Нужно было что-то делать с рыбой, чтобы её сохранить. Поужинав, я попросил экспедишников собрать совет нашего общества и выслушать меня с предложением на предмет того, чтобы узаконить наше (не их) местонахождение в этом месте. Собравшись на совет, я выступил с программной речью о нуждах и чаяниях Тайшетского района, в смысле рыбалки на стерлядь. Я предложил им: так как они являются членами лесоустроительной экспедиции, в благодарность за наши теплые, почти братские отношения, на один километр выше порога Ханянгин (место массового скопления стерляди на зимовку), прорубить от берега просеку метров на 500 от реки и на берегу на толстом дереве прибить две доски с указанием, если плыть сверху вниз «Тайшетский район», а снизу вверх «Чунский район». Все дружно, без голосования приняли мою авантюру к исполнению. На следую-

щий же день экспедишники эту миссию по расширению территории водных угодий Тайшетского района выполнили.

Все встало на свои места и больше нас никто не тревожил. Гул мотора сверху затихал за километр от нас с последующим удалением от новой территориальной границы, установленной нами авантюрным путем. Немного отвлекусь. Один из экспедишников был Шумков, с которым мы встретились в Подволочном через 20 или 30 лет. Он в то время работал в Усть-Удинском гослесхозе. Мы вспомнили об этой встрече на Чуне и долго смеялись над перекройкой границ Тайшетского и Чунского районов.

Выходя из тайги, я каждый раз ночью в зимовье, построенном в свое время Шумковым, и вспоминаю нашу первую встречу.

Следующий день принес небывалый улов. Грудь болела при подъеме со дна самоловов чуть не на каждой уде сидела стерлядь, а двух рыбин пришлось вываживать через борт лодки - рыбины были больше десяти килограммов каждая. Когда поднимаешь самолов с большим уловом, то нос лодки наклоняется почти до уровня воды, а поднимать со дна такую тяжесть не просто. Но когда видишь на поверхности воды такую уйму попавшихся стерлядей, азарт преодолевает все трудности. Вечером доставили ещё два самолова.

Мы с Василием придумали ещё одно новшество: перегородили на устье ручей Чулий кольями с учетом, чтобы рыба не убежала в реку и всех стерлядей, уды которых не задела жизненно важных органов, бросали в ручей, где они стояли в холодной проточной воде живехонькими хоть сколько. Вверх по ручью стерлядь не убегала, а стояла живой массой у загородки, спокойно её можно было вылавливать и выбирать желтобрюхую (жирную) на уху.

Экспедишники рано утром уходили на работу, а мы ночью уплывали на проверку самоловов, поэтому от усталости падали спать, едва причаливали к берегу. Уху ребята варили добросовестно, физиономии их начали приобретать человеческий вид. Они даже побрились и оказались после всех процедур вполне симпатичными ребятами.

Но время шло. Рыбы было добыто уже много и срок моего побега на рыбалку кончался. За три дня до отъезда Василий мне предложил попроведать его друга - тунгуса Степана Илларионовича Рукосуева, проживающего в деревне Березово Чунского района - это от нашего местопребывания всего километрах в тридцати. Мы съездили с ним к другу, проведали его. Много-много разговоров об охоте, о рыбалке и жизни. Без торжественной части, конечно же, не обошлось, и мы явились лишь через день. Два самолова были без проверки. Когда поехали проверять и снимать ловушки, то рыбы было столько, что нельзя было заводить мотор - вода бы пошла через борт.

Самосплавом добрались до Чулия. Нас встретили наши уже друзья и помогли разобраться с рыбой. Работу они свою завершили и со дня на день ждали вертолет.

На пороге мы нашли широкую доску, прибитую паводком. Василий из неё вытесал три овала (два по краям садка, а один для крепости посередине)

и мы соорудили большой -метра четыре - садок, обив эти овалы толстыми жердями, чтобы не пролезла рыба. На следующий день, пересадив из ручья рыбу в садок и загрузив ящики с засоленной рыбой в лодку, не забыв, конечно, забрать и около двух ведер икры и максы, заготовленной при засолке рыбы, мы были почти готовы в дальний через все предыдущие препятствия путь. Ребята вызвались нам помочь преодолеть самое главное препятствие - порог Ханянгин. До порога мы доплыли благополучно, тихо буксируя садок на ту сторону реки, где был слив порога. На веревках почти по грудь в воде садок был спущен в слив, предварительно с огромной веткой между жердей, чтобы в дальнейшем видеть его местонахождение.

Василий увез ребят к табору и, когда он вернулся, мы благополучно (Бог есть на свете), опустили первый залавок Ханянгина.

Много пришлось перенести трудностей и лишений, пока мы преодолели ещё два залавка, порог Екунчетсий и Орон. К вечеру, вымотавшись до предела, мы достигли зимовья на устье речки Черчет, где нужно было ночевать и караулить садок с рыбой, который был спущен в слив Орона. По моим подсчетам, в Чертортон он должен был доплыть только к утру.

Только стало светать, мы начали караулить садок, но его все не было, а в нем около тонны рыбы. Начались поиски, на что ушел почти весь день. Оказалось, что садок километрах в трех от Чертети прибило к берегу, а в пороге он кувыркнулся и ветка - маяк оказалась на дне, а не сверху. Наконец, наши усилия и переживания закончились и мы, припарковав садок к лодке самоловом, отправились дальше. Ещё одна ночь на берегу, уха и отдых до утра. Утро опять было ясным и солнечным. Было прохладно, и легкий туман поднимался вверх. До дома было примерно 15 километров, с учетом среднего течения, мы должны быть были дома к обеду.

Только сейчас, после длительных передрыг, лишений, опасностей и бессонных ночей, в душе наступил покой, и я обратил внимание на природу, окружающую нас.

До чего ты, родная Сибирь, прекрасна! Ты, как суровая мать, нас воспитываешь честными, мужественными, сильными детьми, умеющими тебя любить, ценить и преклоняться перед тобой, той, которая отдает нам, своим детям, свои богатства, ценности и ничего не берет от нас, а ждет лишь ответный любви, уважения и разумного отношения ко всем этим благам.

Мои чувства к нашему краю прервало изречение Васьки - цыгана:

- Гоша! Смотри-ка! Нас уже встречают!

Я открыл полусонные глаза и увидел, что мы подплываем к нашему поселку, а на берегу, молча и торжественно, стоят наши многочисленные семейства, с ними же рядом сидят собаки, наши четвероногие спутники по таежным скитаниям, и внимательно смотрят на приближающую лодку. Узнав своих, они радостно замахали руками, а псы хвостами, и все помчались по берегу, встречая нас...

Браконьер поневоле

В тот период я работал директором Полинчетского химлесхоза и жил в поселке Полинчет Кондратьевского сельского Совета. А так как химлесхоз - единственное промышленное предприятие в сельском Совете, он отвечал за строительство, ремонт всего социального комплекса строений. В числе созданной комиссии по проверке состояния помещений, уточнения расходов на ремонт и подготовку к зиме мы начали проверку с клуба и магазина, сосуществовавших под одной крышей. Клуб был большим и высоким. Когда всей комиссией забрались на чердак клуба, обнаружили необыкновенную находку - на поперечинах стропил висело, и видно было, что очень давно, девять огромных сохатинных шкур. Посмотрев на них, я сразу вспомнил, как они там появились при моем непосредственном участии 13 лет назад.

История началась с того, что за мою десятидневную отлучку на добычу стерлядей по обоюдному согласию с директором химлесхоза я, за неполноценную натуральную благодарность директору, был уволен с работы (разрешение на рыбалку не было юридически оформлено). А я, дурак, считал, что слово дороже всего, тем более слово руководителя.

Я остался без работы и, ясное дело, без средств к существованию. Дело было перед началом промысла, и я нисколько не задумывался о будущем, все мысли были в тайге. Я был молод, силен, имел отличных собак и опыт промысла. Но все эти радужные мечты кончились к весне, как и многие запасы. Имея пятерых детей, неработающую жену, я задумался. И вдруг мне повезло.

Приехал директор Шиткинского ЛПХ Рукосуев и сделал дельное предложение. В чем оно заключалось. Дело было к весне, уже наступало бездорожье. Как пояснил начальник ОРСа, под угрозой был завоз продуктов, а главное мясных. Это могло привести к неприятным последствиям. В Полинчете в интернате 100 учащихся, столовая, больница и население.

Чтобы выйти из кризисной обстановки, мне было предложено найти напарников, создать бригаду охотников, уйти в тайгу на добычу копытного зверя. Мне дали осенние лицензии на добычу лосей в количестве 10 штук, предупредив, что они старые и предъявлять их можно только в случае крайней необходимости. Как штатный охотник Шиткинского ЛПХ (эта запись сделана в моей трудовой книжке), я должен выполнять приказы шефа. Добытое мясо зверей должно быть сдано в магазин ОРСа.

Если память мне не изменяет, это был 1963 год. Я переговорил с соседом, цыганом, ленским охотником по выполнению этого задания. Это давало возможность не только ОРС, но и свои семьи обеспечить мясом. Василий (Васька-цыган) был опытным охотником, имел отличных лаек и шестерых ижиденцев в семье.

Все это было в начале апреля, когда на исходе запасы, не подкрепленные досрочным завозом. Наступала весна, бездорожье, настовый период, когда добывать лосей, (их обычно называют зверем) намного проще, чем осенью. Но все равно нужен опыт, нужно хорошо знать тайгу, потому что в предна-

стовый период лоси очень осторожны, ходят узко, на ограниченной территории и нужно вычислить, где они могут находиться.

В день ухода в тайгу нас провожали наши семейства и мы, по тунгусским обычаям, соблюли все ритуалы и обряды, как это положено у таежников.

Вышли мы на промысел втроем - я, Василий-цыган и его старший сын - 15-летний Вася. В первый день мы дошли до устья речки Черчет, в 30 километрах от дома. Путь нелегкий, так как нужно было тащить нарту с продуктами, нарту, на которой потом будем вытаскивать мясо к берегу, к лабазам.

У нас было четыре лайки, прекрасные, опытные собаки. Шли мы на лыжах, подклеенных камусами. Это давало возможность бесшумно передвигаться по тайге, подниматься на любые косогоры.

На устье речки жил старик, который всю зиму рыбачил, ловил хариусов и ленков, не хотел жить дома. Сначала он нас в зимовье не пустил, так как любил одиночество. Мы устроили свой табор недалеко от зимовья, и каждый день ходили к нему в гости, подолгу слушая его рассказы о рыбалке, охоте и интересуясь будущей наставкой. Он предсказал нам, что наст наступит на раньше, чем через 10 дней.

Табор был устроен хорошо, мы не страдали ни от ветра, ни от холода. Собак кормили внатяжку, сберегая хлеб. Ждали настового периода, когда нужно было выложиться, чтобы успеть добыть зверя, прибрать мясо, до появления воды на льду выбраться домой.

И вот наступил долгожданный момент. После недельной оттепели похолодание, по небу поплыли белесые тучи, намокший за время оттепели снег начал замерзать. Мороз уже достиг минус 30 градусов. Мы ждали этого момента, регулярно проверяя крепость наста. Наконец этот час пришел, и мы начали свой дальнейший поход.

Сын цыгана Васька потащил вверх по реке нарту, а мы направились к тем местам вдоль реки, где, по нашим предположениям, должны обитать в этот период звери. Не прошло и часа, как раздался лай собак. Вскоре мы увидели трех зверей - огромного быка и двух крупных самок. В это время рогов у быков нет, но по размерам и пенькам на голове на месте сброшенных зимой рогов это определить несложно. Жестом показав друг другу кому кого стрелять, мы начали отстрел. Ни один зверь не ушел. Мы заранее предупредили Ваську, чтобы, услышав стрельбу, сворачивал к нам с нарткой. Мы начали разделывать туши на части, удобные для вывозки на нартах. Приборка мяса, его вывозка, устройство лабаза заняли все время до вечера. Прибрав мясо, ночевали на берегу реки. Утром объевшиеся собаки не проявляли должной активности. Мы с парнем пошли по реке до порога Орон, он в десяти километрах от места нашей ночевки, а цыган берегом по таежкам проверять, есть ли там звери.

Мороз не отпускал. Мы вдвоем тащили нарту с продуктами, а цыган шел тайгой. До зимовья оставалось около километра. Каждый держа в руке посох (по-тунгусски туевун), проверял крепость наста. Дойдя до порога, мы решили отдохнуть, не выходить на берег. А потом идти по застывшему порогу. Соба-

ки рыскали по берегу. Стоя на льду, мы слышали под ногами шум и клекот мощных струй воды, не подозревая, что нам грозит смертельная опасность.

Немного отдохнув, я решил проверить крепость наста впереди и ткнул посохом в 1-1,5 метрах от нас. Вдруг наст обрушился и у самых ног возникла полынья около метра в диаметре. В черной полынье с бешеной скоростью несясь мощный поток реки. Мы оцепенели. Был один шаг до смерти. Хорошо, что мы были на лыжах и площадь их опоры выдержала нас. Ещё бы один шаг! Но, видно, не судьба. Запомнил я это на всю жизнь. Затаив дыхание, мы сантиметр за сантиметром своим пятным следом сдали назад, затем оттащили нарту.

Только дошли до зимовья, как услышали выстрелы у ручья, не очень далеко от зимовья. Разгрузившись в зимовье, поспешили к цыгану. Он добыл двух сохатых, и снова начали процесс приборки заготовленного мяса: освеживание, разделка, таскатня, устройство лабаза.

Не буду описывать дальнейших событий нашего похода, сложностей всего процесса, но за 10 дней активной охоты нам удалось добыть 10 сохатых, как раз по числу выданных лицензий, каждая из которых была оформлена по всем требованиям. И хотя мы творили вынужденное беззаконие, ведь добыча копытных зверей по насту запрещена, я не чувствовал угрызений совести. Это было связано с критической обстановкой с мясными продуктами из-за срыва своевременного завоза.

Мы вернулись с наставки благополучно и вовремя, так как после наста наступила предвесенняя оттепель, предшествующая токованию глухарей, к которому нужно было готовиться. Лед сошел в первой декаде мая и сразу же на выделенном катере все добытое мясо было вывезено и сдано в магазин ОРСа с оформлением соответствующих документов, а шкуры развесили на чердаке клуба. Одного зверя взяли себе.

За время моего отсутствия приезжала из объединения «Иркутскхимлес» комиссия по письму жены о незаконном моем увольнении, и я был восстановлен на работе. Но история с браконьерством поневоле не была закончена. Кто-то из злопыхателей написал в Облохотуправление о нашем походе по насту и добыче зверей. Уже в июне приехал представитель с большим портфелем и крайне неприязненным поведением. Сняв допросы с меня, как организатора, и с цыгана, сообщил, что нужно предъявить оправдательные документы на сдачу мяса и лицензию на право добычи. Квитанцию на сдачу мяса я затерял, но лицензии сохранились. После долгих поисков, квитанция нашлась, но пришлось ещё на карте показывать, где и сколько сохатых было добыто, и лазить на чердак показывать шкуры зверей. Забрав все документы, акты допросов, квитанции и удостоверившись, что я являюсь штатным охотником ОРСа Шиткинского леспромхоза, чиновник уехал, пообещав выслать повестку в суд. Но на этом дело и закончилось, так как начальник ОРСа всю ответственность, как оно и должно быть, взял на себя. Больше меня не тревожили, хоть я и переживал.

Я никогда бы не рассказал об этом случае, о добыче копытных зверей в настовый период. Это идет в разрез с охотничьей этикой. Но я и сейчас убежден в том, что не мог отказаться от настовки ради того, чтобы помочь детям и остальным жителям Полинчега своим браконьерством в трудный период. Они не осудили, а поблагодарили нас за наши труды.

СОДЕРЖАНИЕ:

Печальный крик ворона	6
Рысь	8
Зайчики	10
«Бермудский треугольник»	12
Тайна Сосновой Гривы	24
Автограф	27
Диверсия	31
Медвежонок	36
«Разрывная пуля»	39
Петька-медвежатник	43
Ванюшкин ключик	47
Серые тени	49
Медведь в рябиннике	56
За стерлядями (Плата за страх)	59
Браконьер поневоле	70

Котляров Георгий Георгиевич

ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ

Ответственный за выпуск: Е.М.Богданова

Компьютерный набор, верстка, оформление: А.Е.Ефремова

Издано: Усть-Удинская центральная районная библиотека

МКУК «Межпоселенческая центральная библиотека Усть-Удинского района»

Адрес: п.Усть-Уда, ул.50 лет Октября, 8.

Тел.: 83954531213

e-mail: mkyk.mcb.y-yda@mail.ru